

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-7-39

СИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И АКТУАЛЬНОЙ ПОВЕСТКЕ

Багдасарян В. Э.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить важнейшие факторы победы СССР в Великой Отечественной войне как единой мобилизационной системы советской государственности предвоенного и военного времени.

Процедуры и методы. Ключевым методом проводимого исследования явился факторный анализ, осуществляемый на основе проблемной декомпозиции формирования в СССР системы единого государственного управления периода Великой Отечественной войны.

Результаты. Выявлены и охарактеризованы 13 важнейших системных факторов победы СССР в Великой Отечественной войне. Сформированная система переосмыслена как сочетание факторов, выражающих специфику советского государственного строя и российской цивилизационной модели. Сделан вывод об активации факторов победы под влиянием военных угроз с 1927 г. и деактивации в постсталинский и в постсоветский периоды.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при формировании стратегии повышения факторных потенциалов национальной безопасности России через реактивацию факторов победы СССР в Великой Отечественной войне. Полученные результаты могут быть востребованы в образовательной, воспитательной и просветительской работе, будучи актуализированы в контексте 80-летнего юбилея Победы.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Победа, факторы, система, военная тревога, героизм, идеология, управление, советский народ, Сталин

SYSTEMIC FACTORS OF THE USSR'S VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORICAL AND CURRENT AGENDA

V. Baghdasaryan*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify, based on factor analysis, the most important factors of the USSR's victory in the Great Patriotic War as a single mobilization system of the Soviet statehood of the pre-war and war-time.

Methodology. The key method of the study was factor analysis, carried out on the basis of the problematic decomposition of the formation of a single state administration system in the USSR during the Great Patriotic War.

Results. The 13 most important systemic factors of the USSR's victory in the Great Patriotic War were identified and characterized. The formed system was rethought as a combination of factors

expressing the specifics of the Soviet state system and the Russian civilizational model. A conclusion was made about the activation of victory factors under the influence of military threats since 1927 and deactivation in the post-Stalin and post-Soviet periods.

Research implications. The results of the study can be used in the formation of a strategy for increasing the factor potentials of Russia's National Security through the reactivation of the factors of the USSR's victory in the Great Patriotic War. The obtained results can be in demand in educational, upbringing and enlightening work, being updated in the context of the 80th anniversary of the Victory.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, Victory, factors, system, military alarm, heroism, ideology, management, Soviet people, Stalin

Введение

Победа советского народа в Великой Отечественной войне по праву оценивается в качестве цивилизационного апогея тысячелетней истории России. Был повержен противник, претендующий на достижение мирового доминирования, и не просто доминировавший, а имевший для этих претензий определённые потенциалы. Безусловно, решающим фактором победы явился героизм защитников Отечества и советского народа в целом. Но одной этой бесспорно важной фиксации недостаточно. Время, когда победы в войнах одерживались исключительно на полях сражений, могло относиться, и то условно, к Древнему и Средневековому миру. К XX столетию победы достигались уже за счёт преимущества систем [43], которые в свою очередь – за счёт широкого круга факторов.

Выявление факторов победы имеет большое практическое значение, имея ввиду новые системные противостояния с врагом. Конечно, войны нового типа в значительной степени отличаются от войн первой половины XX века. Но при этом многие из факторов побед не утратили своей актуальности.

Великая Отечественная война была исторически войной беспрецедентной, что не отменяет при этом актуальности её уроков. СВО показала практическую востребованность изучения опыта Великой Отечественной войны. Востребованность не только в фокусе коммеморации, но реалий использования факторов победы. В ходе СВО ставились неоднократно

вопросы о целесообразности восстановления различных элементов советской системы под целевую установку достижения победы. Обнаружилось, что многие механизмы функционирования СССР, казавшиеся неэффективными с позиций рынка, были сверхэффективны при работе в чрезвычайных ситуациях. Современное разрушение мирового рынка и новая военная эскалация объективно реактуализируют запрос на советскую модель. Переоценка советской системы как высокоэффективной даётся в последнее время в том числе со стороны экспертных кругов, близких к властной команде.

Цель проводимого исследования, в соответствии с актуальными вызовами времени, заключается в выявлении наиболее значимых факторов победы СССР в Великой Отечественной войне. Ключевым методом, сообразно с указанной целевой установкой, является метод проблемной декомпозиции. Выявленные факторы Победы 1945 г. соотносятся с состоянием соответствующих факторных потенциалов по прошествии 80 лет.

Советская историография уделяла, безусловно, большое внимание факторам Победы, акцентировала преимущества советской социалистической системы [10; 77]. Однако не обходилось и без конъюнктурности времени, приводящей к замалчиванию определённых факторных составляющих. К таковым, в частности, относилась сталинская модель управления страной и всё, что связывалось с личностью генералиссимуса. В хрущёвский период был продублирован в фокусе

истории Великой Отечественной войны ряд антисталинских мифов¹. Многие из них, как показывают современные исследования, являлись прямым измышлением Н. С. Хрущёва [23; 73; 78].

Осознание потенциальной остроты дискуссии по фигуре Сталина обусловил выбор на этом этапе «политики забвения» [3]. В перестройку вновь возобладали реанимированные хрущёвские мифы, представляемые как ликвидация «белых страниц прошлого». «Белые страницы» превращались сразу в «чёрные» [19; 28; 33; 62; 68; 80]. Очернение истории Великой Отечественной войны было особенно кощунственным, имея в виду священный характер памяти о подвиге народа. Популярность приобрели темы репрессий военных лет, СМЕРШа, заградотрядов, штрафных батальонов.

Игнорировалась в советской историографии соответствующего периода не только, впрочем, роль главнокомандующего. Закрытой темой являлся вклад в Победу Русской православной церкви, изменение религиозной политики СССР в военные годы. Открытие темы произошло уже в годы перестройки в контексте подготовки к празднованию 1000-летия крещения Руси и на последующей волне юбилея [2; 4; 17; 39; 54; 58; 60; 61; 66; 86]. Определённую роль в открытии для разработок темы роли Церкви в истории России сыграло давление администрации Р. Рейгана, что задало соответствующий ракурс интерпретаций: антирелигиозный советский режим вынужден был пойти на послабления в отношении РПЦ, но конфликт институтов латентно сохранился².

Отсутствовало, естественно, в советской историографии и цивилизационное измерение Победы. Основной посыл состоял в утверждении, что победил социализм, советский государственный и общественный строй. Констатация эта была в принципе верна, но недостаточна. Важен был ещё и фактор цивилизационной идентичности, культурных кодов России, исторических ценностных накоплений народа. Впрочем, цивилизационного рассмотрения войны не было предпринято и в западной историографии. Иначе следовало бы признать, что суть конфликта состояла в противостоянии Российской и Западной цивилизаций. Роль же советских союзников по антигитлеровской коалиции оказывалась второстепенной.

Постсоветский период в историографии в целом и в освещении истории Второй мировой войны в частности характеризовался ревизией прежних подходов, а соответственно, в определении факторов победы. В значительной степени эта ревизия преследовала цель дискредитации факторов, соотносимых с советской системой. В отдельных публикациях дискредитировались и русские цивилизационные основания победы. Парадоксальным образом использовались даже аргументы пропаганды противника [13; 72]. Ещё в большей степени оказались востребованы подходы западной историографии, сформированной в период холодной войны и также являвшейся представлением взглядов со стороны противника [16; 18; 55; 70; 74; 79]. Многие из этих подходов подверглись впоследствии деконструкции в качестве мифов и фальсификаций антироссийской исторической пропаганды [30; 52; 65].

В либеральной историографии в объяснении факторов победы СССР в Великой Отечественной войне обнаруживается 2 противоположных подхода. Оба подхода имеют обвинительную в отношении советской государственной системы направленность. За первым условно закрепилось понятие «вопрекизм». Суть

¹ Хрущёв Н. С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях». М.: Госполитиздат, 1959. 80 с.

² Мраморнов А. И. История Перестройки. Поворотный пункт в смене модели отношений церкви и государства. К 30-летию празднования 1000-летия Крещения Руси [Электронный ресурс]. URL: https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_29884/ (дата обращения: 11.11.2024).

его состоит в утверждении будто бы победа была достигнута народом вопреки государственной власти. Опирающаяся на идеологию марксизма система являлась, по оценке её критиков, якобы неэффективной и нефункциональной. И оказавшись в экстремальной ситуации народ, когда встал вопрос о его физическом уничтожении, проявил свою субъектность в противовес существующей идеологии [22].

Сама идея, что можно одержать победу в войне, тем более такого масштаба, как Великая Отечественная, без руководства и даже вопреки ему, безусловно, противоречит здравому смыслу. Обращает также внимание совпадение позиции либеральных критиков советского режима и нацистской пропаганды в отношении советских солдат и населения, сообразно с которой борьба велась против режима, а не народа. И более того – за освобождение народа от большевиков. Реально нацисты ставили перед собой геноцидные задачи, и их пропаганда преследовала цель внесения внутреннего раскола между государством и обществом, разделить их и противопоставить друг другу.

Второй подход состоит в прямо противоположном утверждении, что победу одержал режим, включивший авторитарные человеконенавистнические механизмы организации социума. Банально врага, сообразно с этим видением, «заваляли трупами». Режим будто бы не жалел человеческих жизней в отличие от неприятелей – хоть и нацистов, но все-таки европейцев [71]. В противоречии с этим обвинением находятся многочисленные примеры массового героизма советских солдат. Примеры самопожертвований, подвигов, подобных поступку А. Матросова, не укладываются в систему представлений о беспощадности режима. Абсурдно считать, что герои Великой Отечественной войны отдавали свои жизни, боясь репрессий авторитарного режима, т. е. шли на смерть, боясь смерти.

Новая фаза противостояния с коллективным Западом актуализировала запрос на переосмысление факторов победы в Великой Отечественной войне.

«Военная тревога» 1927 г.

Система, которая в итоге и выдержала нагрузку войны (победившая система), стала формироваться под влиянием военной тревоги 1927 г. Обвинения СССР в поддержке революционных сил в Британской империи и зонах её влияния, в самой Великобритании и Китае, повысила уровень военной эскалации. Наиболее резонансным отражением начавшейся конфронтации стала нота британского правительства от 23 февраля 1927 г., получившая известность как «ультиматум Чемберлена». В мае 1927 г. Великобритания разорвала дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом (они были восстановлены только через 2 года). Чуть позже были разорваны также дипломатические отношения СССР с Китаем. В Китайской республике происходит резня ориентирующихся на Советский Союз коммунистов [64].

Серия терактов обрушивается на советских представителей за рубежом. В Польше сыном участника Белого движения Б. Ковердой был убит полпред СССР П. Л. Войков. Позже освобождённый из тюрьмы Коверда будет воевать на стороне нацистской Германии. Пришедший годом ранее к власти в Польше Ю. Пилсудский недвусмысленно сформулировал перспективу геополитического продвижения на Восток, и угроза новой советско-польской войны становится реальностью. Проект Пилсудского «Междуморье» предполагал создание огромной восточноевропейской державы с центром в Варшаве. И именно Польша, а вовсе не Германия, мыслилась тем государством, которое начнёт первую агрессию против Советского Союза [47].

Активизировалось белогвардейское движение, воодушевляемое реанимацией идеи нового похода против боль-

шевики. Особую активность проявлял всё ещё возглавляемый П. Н. Врангелем Русский общевоинский союз. Имела место заброска агентуры в СССР, организация диверсий. Отдельные инциденты столкновений с белыми диверсантами фиксировались, в частности, при пересечении советско-финской границы. Активизировалось и антисоветское подполье в СССР¹. Хлебозаготовительный кризис 1927 г. и восстановление практики продразвёрстки привёл к росту кулацкого сопротивления, организованного зачастую в виде деятельности вооружённых бандформирований. Кулак, констатировалось в партийных оценках, становился проблемой политической. Советский Союз, стремясь снять внешнее напряжение, предлагал заключить договор о ненападении правительствам Польши и Японии. В обоих случаях был получен отказ, из которого следовало, что планы военных действий существуют [34].

Всё в совокупности убеждало руководство СССР, что войны избежать не удастся. С высокой партийной трибуны было заявлено о неизбежности войны. Г. Е. Зиновьев критиковал Бухарина, а Сталин – самого Зиновьева за использование тезиса «война возможна», вместо «война неизбежна»². Признавая войну неизбежной, Сталин считал при этом возможным её отсрочить, чтобы, с одной стороны, успеть советскому народу подготовиться к ней, а с другой – дождаться столь же неизбежного антиимпериалистического выступления трудящихся Востока.

Принятие тезиса неизбежности войны побудило рассчитать расклад сил. Будущая война могла начаться с высту-

пления против СССР целого блока государств – Великобритании, Финляндии, стран Прибалтики, Польши, Румынии, Китая, Японии. Расчёт соотношения сил приводил к выводу о вероятном полном разгроме. Под ружьём Красной Армии находились 607 тысяч человек, а при мобилизации её численность могла достигнуть 1,2 млн. Это было крайне мало. Только вероятные противники из стран Восточной Европы могли выставить армию в 4 раза численно превосходящую. (Для сравнения: по состоянию на 22 июня 1941 г. Советский Союз имел армию в 4,8 млн человек, не считая потенциально мобилизуемых). Ещё более тяжёлым являлось в 1927 г. положение СССР по наличию военной техники. Недостаточное её количество усугублялось сравнительно низким качеством. Не было заводов, которые могли бы в случае войны наладить выпуск вооружения. Военные эксперты во главе с начальником штаба РККА давали крайне пессимистические оценки развития событий на случай начала военных действий [48].

Военная тревога 1927 г. и положила начало форсированной подготовке страны к войне, побудила к реорганизации системы. Все, кто отказывался принимать установку приоритетности подготовки к войне, определялся врагом, чему Сталин дал соответствующее теоретическое обоснование. Именно в контексте военной тревоги принимается решение о форсированной индустриализации. Разрабатывается, а с 1928 г. реализуется первый пятилетний план. В конце того же 1927 г. на XV съезде ВКП(б) принимается также решение о проведении политики коллективизации. В условиях военной тревоги и была свернута модель НЭПа, заменяемая системой, которая условно определяется как сталинская.

С 1928 г. на западной границе СССР возводится система оборонительных укреплений, получившая в дальнейшем неофициальное обозначение – «линия Сталина». Разрабатывается план эва-

¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века: документы и материалы. Т. 6. Схватка: 1925–1927 гг. / сост. И. И. Басик. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. 850 с.

² Сталин И. В. Международное положение и оборона СССР: Речь на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1949. С. 3–59.

куации на случай, если превосходящие силы противника займут первым ударом регионы на западе. Организуется массовое обучение населения военному делу по линии только что созданного Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Позже на его основе организуется движение ГТО. С 10 по 17 июля 1927 г. по всей стране проводится неделя обороны, предназначенная продемонстрировать решимость советского общества противостоять врагу («пролетарский смотр»). Под девизом «Наш ответ Чемберлену!» проводилась общественная мобилизация, в рамках которой любое достижение советского общества рассматривалось в качестве такого ответа.

В. В. Маяковский по горячим следам политических событий 1927 г. пишет стихи «Англичанка мутит». Советская культура переключается также на тему подготовки страны к войне, ставшей ключевой. Включение механизма политических репрессий также обуславливалось контекстом приближающейся войны.

В 1927 г. была разгромлена «левая оппозиция», предлагавшая в ответ на военный вызов самим подтолкнуть революционный процесс, критикуя позицию Сталина по максимальному оттягиванию войны. На следующий год оказалась уже разгромлена «правая оппозиция», критиковавшая установки на форсированную индустриализацию, приводящую будто бы к разбалансировке народного хозяйства. Левые предлагали авантюристическую тактику борьбы без должной подготовки к войне, предложения правых также блокировали подготовку на основе доводов заботы о социальном благополучии советского человека.

Насколько были оправданы политические репрессии? Вопрос этот не тема представляемого рассмотрения. Но важно указать, что понимание их не будет полным без контекста приближающейся войны. И очевидно, что при наличии в 1941 г. в партии 2 системных оппозиций,

задачи борьбы с противником были бы предельно осложнены [46].

Репрессии обрушивались не только на оппозицию, но также и на потенциальные и фактические группы «пятой колонны». Намерение жёстко карать своих врагов власть предъявила уже в 1927 г. И «пятую колонну» противнику к началу Великой Отечественной войны создать в СССР не удалось, тогда как в Германии продолжало существовать, хотя и значительно ослабленное, ориентированное на Москву антисоветское подполье. Посол Соединённых Штатов Америки в Советском Союзе в 1936–1938 гг. Дж. Дэвис оправдывал сталинские репрессии с позиции уничтожения вражеской агентуры¹.

Фактор героизма и патриотизма советского народа

Предвоенные годы СССР акцентированно работал по задаче патриотического воспитания, на которую были направлены все гуманитарные институты. Патриотизм как чувство идентичности с российской исторической общностью, любви к «земле русской», сочетался с патриотизмом советским, чувством гордости принадлежать к первому в мире социалистическому государству. Соединялась патриотика через прошлое с патриотикой через будущее. Такое сочетание, как показала война, себя оправдало [63].

Без героизма и патриотизма победы в войнах не достигаются. Жертвенный героизм советских солдат и партизан имел во время Великой Отечественной войны массовый характер. За военные годы зафиксировано 445 случаев, аналогичных подвигу А. Матросова, 237 случаев – аналогичных подвигу Н. Гастелло. Совокупность героических проявлений складывалась в героизм народа. Массовая готовность пожертвовать собой означала, что ценность Родины была для поколения войны выше ценности ин-

¹ Дэвис Дж. Моя миссия в Москве. Дневники посла США 1936–1938 годов. М.: Родина, 2022. 432 с.

дивидуальной жизни. Но чтобы такая иерархия могла сформироваться, нужна была соответствующая идейная атмосфера¹ в обществе [29, с. 192].

Примеры героизма имели место и со стороны противника. И важно ответить, почему советская героика оказалась выше героики неприятеля.

Существует цивилизационно и идеологически различное понимание героизма. Западные либеральные демократии в значительной степени утратили дух героики прежних столетий. В немалой степени этому способствовала секуляризация сознания. Скепсис в отношении жизни вечной приводил к тому, что жизнь физическая как биологическое существование становилась высшей ценностью. Императив войны – принесение жизни в жертву во имя иных высших идеалов – вступал в противоречие с новой секулярной ценностной иерархией. Отсюда – неготовность французов умирать во имя Франции, предпочтение утратить суверенитет, чем утратить жизнь. Героика Сопротивления оказалась неожиданно обретена в контексте нового экзистенциального понимания. Абсурдность жизни давала ответ, что смерть лучше рабства [36; 67]. Из ценности свободы вытекают установки героики европейского антифашизма, выраженные словами Д. Ибаррури: «Испанский народ предпочитает умереть стоя, нежели жить на коленях» [81].

Немцы, надо признать, во время Второй мировой войны продемонстрировали больше героики, чем их противники на Западе. Но героизм немецкого солдата был архетипически языческим. Это был героизм сверхчеловека, по образцу Зигфрида [53]. Герой-триумфатор повергал врагов и торжествовал, ввиду достигнутого превосходства. Немецкий кинематограф, равно как, впрочем, и по сей день

Голливуд, утверждал этот тип героического.

Героизм советского человека был совершенно другого типа. Он восходил к христианской традиции героики Голгофы. Это был жертвенный героизм, а не героизм триумфаторский. «Смертью смерть поправ» – через самопожертвование героя жизнь побеждала смерть. «Любовь побеждает смерть» – эти слова, как известно, принадлежали Сталину, вынесшему соответствующее резюме на тексте поэмы-сказки М. Горького «Девушка и смерть». Героика любви советского солдата побеждала героика ненависти нацизма. Глубинно архетип христианства, сохраняемый в традициях русского солдата, побеждал архетип язычества.

Другая составляющая советского героизма состояла в героике коллективного подвига. Русский/советский солдат отдавал жизнь за «друзья своя». Готовность умереть «за друзья своя», за товарищество, оказывалась выше западных индивидуалистических установок героики. Илья Муромец побеждал Зигфрида.

С распадом СССР героизм оказался отделён и от патриотизма, и от христианской традиции. В массовой культуре был утверждён тип героя-преступника. Установки космополитизма и потребительства подрывали потенциалы страны в её противостоянии внешним угрозам. Восстановление патриотической традиции героики следует рассматривать в этом отношении как фактор победы. Однако патриотический нарратив даётся зачастую в западных, голливудских формах, имеющих архетипически языческую природу. Необходимо восстановить цивилизационное измерение героического в России. На абсурдность попыток внедрения язычества среди бойцов СВО обратил внимание патриарх Московский Кирилл².

¹ Назаров О. «Ни в одной другой армии мира» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/6273> (дата обращения: 11.11.2024).

² Патриарх Кирилл прокомментировал попытки возрождения язычества в зоне СВО // РИА. Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20250211/svo-1998734816.html> (дата обращения: 11.12.2024).

Фактор нерыночной модели организации советской экономики

Рынок всегда, во все времена, обна-руживал плохую сочетаемость с задача-ми военной мобилизации. Отношения на рынке диктуются получением выгоды субъектов участия: продавец товара или услуг стремится из продать дороже, по-требитель – приобрести дешевле. Рыноч-ное производство определяется потреби-тельским спросом, а не государственной целесообразностью. Но в ситуации вой-ны такая логика оказывается деструктив-ной. Завышение цены продаж на товары, связанные с войной, спрос на которые возрастает, играет объективно в пользу противника. Поэтому государства в во-енное время вносят, как правило, ограни-чения в действие рыночных законов.

В Первую мировую войну Российская империя столкнулась с нежеланием кре-стьян продавать армии хлеб по установ-ленным государством ценам. Продоволь-ственный кризис побудил к введению продразвёртки, что и было осуществ-лено ещё до Февральской революции постановлением Министра земледелия А. А. Риттиха от 2 декабря 1916 г.

В СССР в период Великой Отече-ственной войны цены на товары регу-лировались не отношениями спроса и предложения, а стратегической целесооб-разностью. Элементы рынка продолжали сохраняться и в период войны, но ры-ночные законы не были определяющими. Как следствие – способность государства управлять экономическими процессами, что давало очевидное преимущество пер-ед рыночными экономикami¹.

Большой дискуссионной проблемой являлась в советском обществоведе-нии проблема применимости формулы Д-Т-Д (штрих) к экономике социализма. У К. Маркса решений её не давалось, рав-

но как вообще тема переходной фазы от капитализма к коммунизму (что и опре-делялось как социализм) не была про-работана. В фокусе дискуссии оказался вопрос о существовании и допустимости организационной и моральной прибыли при социализме. Вариант ответа на этот вопрос имел практические следствия. Признание существования прибыли при капитализме задавало ориентир макси-мизации денежных доходов, тогда как отрицание – реального производства. Дискуссия началась ещё до Великой Оче-щенной войны, продолжилась в по-слевоенные годы и не прекращалась до перестройки включительно. Её перипе-тии были детально описаны в моногра-фии Е. Ю. Спицына [76]. На важность вопроса указывает введение в 1943 г., критическое для судеб страны и мира, предмета политэкономии в качестве обя-зательной дисциплины в советских вузах [75].

Сам Сталин, включившись в дис-куссию, признавал сохранение закона стоимости при социализме, но отрицал сохранение феномена прибыли. В кни-ге «Построение социализма в СССР» он эпатировал приверженцев сохранения основ рыночного хозяйствования ут-верждением о свёртываемости в перспек-тиве товарно-денежных отношений и переходе к прямому безденежному това-рообмену. Обычно эта последняя работа Сталина рассматривается даже частью авторов, поддерживающих в целом его курс, как наименее проработанная в ста-линском наследии, и даже абсурдная. А между тем современный тренд мирово-го финансово-экономического развития фиксирует отказ от классических денег и переход к безналичному обращению. Но-вая регуляция, по-видимому, будет осу-ществляться либо в формате посткапита-лизма, либо социализма. Книга Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» оказалась в этом отношении про-роческой. И важно зафиксировать, что некапиталистический характер товарно-

¹ Финансы СССР в годы войны. 1941–1945 гг. Рос-сийский государственный архив экономики // Российский государственный архив экономики: [сайт]. URL: <http://rgae.ru/ep.shtml/finansy-pobedy.shtml> (дата обращения: 11.12.2024).

денежных отношений в Советском Союзе оказался одним из факторов Победы¹.

Товарно-денежные отношения в СССР в период Великой Отечественной войны, безусловно, сохранялись, и возврата к экономике образца «военного коммунизма» не произошло. Но не работал и ориентир получения прибыли. Существовала приоритетная установка выпуска продукции (прежде всего, военной техники), а не получения дохода. При функционировании экономики по формуле Д-Т-Д (штрих) организовать работу тыла под нужды фронта было бы весьма проблематично. И в том, что советская экономическая система не была ориентирована на прибыль, заключалось одно из значимых преимуществ над врагом [38].

Впрочем, тенденции ограничения капиталистического типа товарно-денежных отношений имели место в большинстве воюющих стран. Соответствующие ограничения вводились и в Первой мировой войне. Война, в целом, показывала нефункциональность классической модели капитализма [50].

Утрата преимуществ советской системы, состоящих в её ориентации на производство реального продукта, а не денежный доход, происходит ещё при существовании СССР. С демонтажом социализма восстанавливается система распределений по описанной Марксом формуле Д-Т-Д (штрих). Реальная экономика социализма периода Великой Отечественной войны была заменена экономикой в 1990-е гг. фантомной, для войны не предназначенной.

Фактор приоритетности в производстве средств производства (группа «А»)

Война такого масштаба, которой была Великая Отечественная, начавшаяся к тому же с потерь значительных инфраструктурно развитых территорий, не мог-

ла не привести к экономическому спаду. И этот спад действительно отмечается по всем макропоказателям. Наиболее значительным он оказался по валовой продукции сельского хозяйства и розничному товарообороту. По ним в 1943 г. достигалась лишь треть от показателей довоенного времени. Но было при этом исключение – продукция машиностроения. За все годы войны, включая критические 1941–1942 гг., показатели по выпуску продукции машиностроения были выше довоенного уровня. Такая особенность с очевидностью объясняется сконцентрированностью экономики на главном – производстве, связанном с выпуском военной техники. Советская экономика оказалась способна быть сконцентрированной на главном. И эта концентрация достигалась за счёт ограничения потребительских запросов².

В советской теории политэкономии отрасли экономики дифференцировались на группу «А», к которой относилось производство орудий труда и средств производства, прежде всего, тяжёлая промышленность, и группа «Б», к которой относилось производство товаров личного потребления и домашнего обихода. В ходе жарких дискуссий утвердился подход о приоритетности развития отраслей группы «А». Такой взгляд соотносился в понимании советских идеологов с марксистским концептом о базисе общества. За счёт приоритетного развития группы «А» осуществлялась стратегия форсированной индустриализации.

Оппоненты возражали, указывая, что правильное идти от спроса, а соответственно – от потребностей граждан, и отдавать приоритет отраслям «Б». В этом случае, утверждают их последователи, не сложились бы экономические диспаритеты, и качество жизни населения было

¹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 154–223.

² Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/9257> (дата обращения: 11.12.2024).

бы принципиально иным. Ключевой фигурой в экономической теории, оппонирующий сталинской модели «несбалансированного» развития экономики, стал Н. Д. Кондратьев. К его авторитету многие апеллируют сегодня как к автору не реализованной альтернативы. Но в перспективе грядущей большой войны план Кондратьева означал бы, что 1941 г. страна бы встретила без соответствующего промышленного и военно-технического потенциала. Расчёты Кондратьева, которые он успел сделать, впрочем, строились на предположении, что ближайший временной период пройдёт без крупных военных потрясений¹. Впрочем, не очевидно, что удалось бы при кондратьевском сценарии обеспечить подъём уровня потребления, т. к. для соответствующего прогресса в лёгкой и пищевой промышленности нужна была опять-таки база инфраструктуры тяжёлой промышленности (железнодорожный транспорт, станки, металлургическое производство) [42].

О том значении, которое уделял Сталин идее приоритетности группы «А» в развитии народного хозяйства, свидетельствует дискуссия об учебнике по политэкономии, состоявшаяся с его участием 29 января 1941 г. За несколько месяцев до начала ВОВ, когда уже Мировая война являлась свершившимся фактом, руководство страны считало целесообразным обсуждать содержание учебника по политэкономии. И это обсуждение являлось не бегством от реальности, а как раз напротив – определением ключевых стратегических подходов в контексте приближающихся потрясений. Позиция Сталина заключалась в том, что успехи индустриализации стали возможны исключительно потому, что в СССР удалось перевернуть «с ног на голову» законы капитализма. Капитализм бы пошёл

от рыночного спроса и отдал приоритет производству потребительских товаров. Советская политика руководствовалась не рыночной конъюнктурой, а стратегической целесообразностью, которая состояла в главенстве тяжёлой промышленности. «Если бы, – рассуждал Сталин, – у нас не было... планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путём, всё началось бы с лёгкой промышленности, а не с тяжёлой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с головы на ноги. Мы начали с тяжёлой промышленности, а не с лёгкой, и победили. Без планового хозяйства это было бы невозможно... Если бы, например, предоставить строительство промышленности капиталу, то больше всего прибыли приносит мучная промышленность, а затем, кажется, производство игрушек. С этого бы и начал капитал строить промышленность... Мы же начали с тяжёлой промышленности, и в этом основа того, что мы – не придаток капиталистических хозяйств»². Приоритетность в развитии тяжёлой промышленности, перепрофилированной на военную сферу, стала, безусловно, важным слагаемым победы.

Победить противника невозможно уподобляясь противнику, копируя его технологии и практики. За то время пока осуществляется копирование, он уходит вперед, и подражатель оказывается аутсайдером. Советский Союз шёл своим путём, а потому и смог вырваться вперёд (хотя мог и проиграть, совершив стратегическую ошибку). Некапиталистический путь развития экономики позволил СССР осуществить промышленный прорыв, на который в странах капитализма уходили десятилетия.

¹ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Сост. Ю. В. Яковец. М.: Экономика, 2002. 768 с.; Кондратьевщина. Сборник. М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. 128 с.

² Сталин И. В. Беседа об учебнике «Политическая экономия» 29 января 1941 года (конспективная запись) // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 8.

Позиция о приоритетности развития группы «А» стала подвергаться ревизии в теории экономики ещё в советское время. Одновременно с этой ревизией страна лишалась возможности проведения экономической мобилизации. Переход же на капиталистические рельсы и логику спрос–предложение в постсоветские годы и вовсе лишил страну соответствующего преимущества для ситуации войны.

Фактор государственного экономического планирования и директивного управления экономикой

Уникальным феноменом в мировой экономической истории может быть признан Госплан ССР. Высмеивание системы советского планирования в либеральной критике имело характер вульгарной идеологической пропаганды. Реально Госплан стал штабом организации экономического прорыва СССР. Уникальность этого опыта признаётся в настоящее время экспертами, связанными с высшим уровнем современной государственной власти РФ. Иллюстрацией этой позиции является, в частности, монография «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду» [20]. Исторический период 1929–1955 гг. в истории СССР был оценён в ней авторами как безусловный экономический рекорд в темпах роста, непревзойдённый до настоящего времени ни в одной из моделей. Государственное планирование представлено в книге в качестве ключевого инструмента организации советского планирования. В завершённом виде сталинская модель Госплана СССР институционально сложилась непосредственно накануне Великой Отечественной войны, что имело важнейшее значение для обеспечения экономической составляющей победы¹.

Именно на Госплан были возложены в период войны постановлением Государственного комитета обороны задачи ор-

ганизации эвакуации и мобилизации работы промышленности. И то, что СССР экономически переиграл Германию во время войны, сосредоточившись на главных направлениях при меньшем общем объёме промышленной продукции, является важнейшим фактором государственного планирования².

Отказ от государственного директивного планирования и переход на рекомендательное в перестроечный период стал фактором кризиса построенной на единой логике целеполагания советской экономики. Госплан был ликвидирован постановлением от 1 апреля 1991 г., т. е. ещё при существовании СССР, что усугубило его экономическое положение.

Военная стратегия предполагает принятие плана борьбы с противником. При современных войнах планирование должно, очевидно, распространяться не только на действия собственно воинских частей, но и на работы всех компонент государственной системы. Государственное экономическое планирование является одной из базовых компонент такого плана. Другое дело, что обеспечение его требует специфики организации всей государственной системы, которую представлял к началу Великой Отечественной войны СССР. Ни одно другое государство мира такого рода возможностями не обладало и не обладает в настоящее время.

Экономика Германии накануне войны превосходила по большинству показателей экономику СССР. Советский Союз имел существенный перевес по добыче нефти, а соответственно производству бензина, а также выпуску грузовых автомобилей и тракторов. По добыче угля и кокса, производству электроэнергии, чугуна, стали, проката чёрных металлов, меди, алюминия, цинка, кадмия, серной кислоты, азотной кислоты, металлоре-

¹ Байбаков Н. К. Из воспоминаний о Н. А. Вознесенском // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 141–145.

² Постановление ГКО СССР № 421 сс о порядке размещения эвакуируемых предприятий, с приложением записки Шверника Н. М. Молотову В. М. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/1335031> (дата обращения: 11.12.2024).

жущих станков, цемента Германия перед войной превосходила СССР. Факторное преимущество Советского Союза заключалось не в мощи экономики как таковой, а в возможностях мобилизационного управления ею, способности концентрации на стратегических направлениях за счёт менее значимых для победы [12, с. 19].

Величайшим проектом управления экономикой в мировой экономической истории стала советская эвакуация. Никогда ни до, ни после в истории в столь короткий период времени не осуществлялась перевозка столь значительного объёма производственных инфраструктур и трудовых кадров, как это было осуществлено в СССР в первые месяцы войны. Всего было эвакуировано около 2,6 тысяч предприятий вместе с работающими на них 18 млн рабочих с семьями. Общее число эвакуированных составляло примерно 25 млн человек. Вывезенные на восток предприятия составляли примерно 65% потенциала военно-промышленных наркоматов СССР: Подлежали эвакуации: 118 (из 139) предприятий авиапрома, 16 (из 27) – танкопрома, 32 (из 58) – стрелкового вооружения, 49 (из 65) – боеприпасов, 72 (из 147) – минометов, 41 (из 69) судостроения [12, с. 57; 69, с. 140, 147].

Масштабная задача усугублялась критически тяжёлым положением в 1941 г. на фронте, перегрузкой железных дорог и нехваткой в этих условиях транспорта. Между тем предприятия не только были эвакуированы, но и в кратчайшие сроки вошли в рабочий режим. Естественно, заводы и люди не вывозились в чистое поле. Быстрота перехода эвакуированных предприятий в рабочий режим обеспечивалась включением их в уже созданные в предвоенные годы инфраструктуры. Создаваемая ранее резервная промышленно-сырьевая база была расширена и включила собственные дополнительные мощности. Собственные мощности представляли собой законсервированную

исходно при введении в строй часть заводов. Закладка таких резервных частей было, безусловно, не рыночным решением. Но советская экономика создавалась не под рынок, а в перспективе потенциальных вызовов и форсированного развития. И это в условиях войны оправдало себя.

Был ли у Советского Союза на момент нападения противников единый план эвакуации? Эвакуационное планирование в СССР стало вестись, по-видимому, сразу после военной тревоги 1927 г. В военно-техническом отношении Советский Союз тогда был слабее объединённых сил потенциального врага. Реалистическая оценка заставляла считать, что на первом этапе войны возможно отступление, а соответственно, был нужен план перевоза на недостижимое для противника удаление промышленных объектов, культурных и иных ценностей. В связи с укреплением мощи СССР потребность в эвакуационных планах снижалась, но определённые проработки такой сценарной перспективы всё-таки велись¹. Без наличия соответствующего планирования и единого управления сверхмасштабную операцию эвакуации 1941 г. вряд ли было возможно провести. Было, безусловно, много неразберихи, но она не переросла в общий хаос. Эвакуация управлялась и не была стихийным явлением [49].

Возможность концентрироваться на главном являлась важнейшим преимуществом СССР периода войны в сфере управления экономикой. Тяжёлой промышленности отдавался безусловный приоритет над лёгкой, производством товаров массового потребления, а оборонной над всеми иными отраслями тяжёлой. Характерно, что общие объёмы промышленности за период войны сни-

¹ Исаев А. В. Искусство предвидеть: о решениях советского руководства накануне и в начале Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/magazine/article/iskusstvo-predvidet-o-resheniyah-sovetskogo-rukovodstva-nakanune-i-v-nachale-velikoj-otechestvennoj-vojny> (дата обращения: 11.11.2024).

зились, тогда объёмы оборонной отрасли существенно возросли. За 1942 г. объём промышленного производства в СССР составлял 77% к показателям 1940 г. Масштаб потерь был значимым, хотя не катастрофичным, имея в виду территориальные потери и эвакуацию. В 1944 г. Советский Союз превзошёл по объёмам промышленного производства довоенный уровень на 4%, что само по себе, учитывая продолжавшуюся войну, было беспрецедентно и указывало на мобилизационные потенциалы советской экономики. Правда, в 1945 г. уже имел место определённый спад до 92% от уровня 1940 г., что объясняется реэвакуацией и отменой обязательных сверхурочных работ (в войну они составляли от 1 до 3 ч). А вот показатели роста по оборонной отрасли к уровню 1940 г. выражали совершенно иную тенденцию: 1941 г. – 140%, 1942 г. – 186%, 1943 г. – 224%, 1944 г. – 251%, 1945 г. – 215%. Таким образом, Советский Союз смог увеличить за время войны объёмы производства в сфере оборонной промышленности в 2,5 раза [12, с. 75].

В гонке экономик по общему объёму промышленного производства Германия во время войны не только превосходила СССР, но и ушла в отрыв. Так, если в 1940 г. Советский Союз производил 107% чугуна от уровня Германии и 96% стали, то в 1944 г. – только 55% и 59% соответственно¹. Но при этом СССР явно превзошёл Германию в период их прямого противоборства по всем видам военной техники [12, с. 82].

Существенный прирост Германии по экономическим потенциалам в целом и производству военной техники особенно дало присоединение к ней значительных европейских территорий с соответствующей промышленной инфраструктурой. Именно германская завоевательная политика – ограбление Европы – обеспечи-

ло Рейху военно-техническое преимущество к 1941 г. Но уже в 1942 г. Советский Союз производил: самолётов – в 1,9 раз больше Германии, танков – в 3,9 раз, орудий – в 3,1 раз, минометов – в 23,5 раз, автоматов, винтовок и карабинов – в 3 раза. Отставая по экономическому производству в целом, Советский Союз опережал противника в том, что было более всего в ситуации войны необходимо для победы².

Фактор концентрированности ресурсов в руках государства

СССР максимально во время Великой Отечественной войны, насколько это было возможно, воспользовался своими естественными преимуществами в ресурсах. Это стало принципиально возможно ввиду концентрированности их в руках государства. Но потенциалы могли стать реальным фактором победы лишь при условии стратегически правильной ресурсно-распределительной политики.

Создание в предвоенные годы второй промышленно-сырьевой базы на Урале позволило СССР экономически выстоять после потери Донецкого региона. Наличие второй базы отличало положение страны в сравнении с ситуацией Первой мировой войны. В Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. развитие промышленности и энергетики осуществлялось преимущественно за счёт южно-российских регионов, куда и направлялся промышленный капитал. География периода Гражданской войны и иностранной военной интервенции поставила большевиков при потере контроля над югом в крайне тяжёлое положение. Хозяйственная разруха первых лет советской власти являлась в этом отношении не в последнюю очередь результатом потери контроля над ресурсной инфраструктурой. А. Гитлер, исходя из опыта прошлой войны, полагал, что по-

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М.: Информационно-издательский центр, 1990. С. 32–34.

² Финансовые потери СССР в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipbr.org/projects/history/80/> (дата обращения: 11.11.2024).

теря Донбасса будет иметь для экономики СССР катастрофические последствия [32]. Но ресурсно экономика Советского Союза к 1941 г. уже была пространственно диверсифицирована [82].

Для Германии ресурсная проблема являлась, вероятно, наиболее критичной. Немцы в полной мере ощутили её ещё в Первой мировой войне. С началом кампании британский флот отрезал её от колоний, лишив стратегических поставок. Результатом дефицита энергетических и продовольственных ресурсов в Первую мировую войну стал острый социальный кризис в Германии. Немцы, привыкшие к сравнительно комфортному существованию, впервые с XVI в. столкнулись с реалиями голода. Годы Первой мировой остались в памяти немцев как «брюквенное время», названное так по употреблению супа из брюквы¹.

Во Вторую мировую войну Германия делала всё возможное, чтобы ситуация ресурсного дефицита не повторилась. Немцы ещё до войны при помощи американских инженеров наладили производство синтетического топлива. Военные действия Германии и союзнические альянсы Гитлера в значительной степени диктовались соображениями жизнеобеспечения Рейха. И тем не менее ресурсно в перспективах длительной войны Германия проигрывала и Советскому Союзу, и Британской колониальной империи, и США. Шансы для Гитлера давала лишь «молниеносная война», на которую и была сделана ставка в 1941 г., либо прорыв к энергоресурсам, на что немецкое командование уповало в кампании 1942 г. Не получилось ни то, ни другое. И, несмотря на то, что в период 1941–1942 гг. инициатива на Восточном фронте оставалась за Германией, стратегически она проиграла.

Фактор демографических потенциалов

От численности населения зависит численность армии и количество рабочих рук, а соответственно, демографические ресурсы всегда являлись важнейшим военным фактором. Трудно поверить сегодня, что СССР в довоенный период из всех значимых геополитических государств мира занимал первое место по показателям рождаемости.

Демографические преимущества СССР понимали и в Германии, и этот фактор, судя по высказываниям нацистского руководства, особо сильно беспокоил. К началу войны Советский Союз имел численность населения 196,7 млн человек. Около 20 млн дали присоединённые в предвоенный период западные территории. Германия явно уступала – 70,2 млн человек. Но если подсчитывать её вместе со всеми европейскими сателлитами и населением присоединённых территорий, выходило несколько более 200 млн. Совокупные силы оказывались примерно равны. Но по уровню консолидации населения, самосознания единой идентичности Советский Союз имел безусловное преимущество. Государствообразующее ядро советской общности – русский народ – имел, по данным переписи 1939 г., численность в 99,6 млн человек, что было выше численности этнических немцев почти на 30 млн.

Нацистское руководство мыслило в мальтузианских параметрах и понимало, что в разрезе столкновения демографических потенциалов Германия проигрывала. И отсрочка «большой войны» шансы её только понижала. По данным на 1923 г., когда родились те, кому в 1941 г. исполнилось 18 лет, суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,62 рождения. В СССР в том же году он имел показатель 6,68 рождений – кажущийся немыслимым при современной малодетности. Последующие годы и в Германии, и в Советском Со-

¹ Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. 634 с.

юзе показатели рождаемости устойчиво снижались, что соответствовало в целом описанию уже выдвинутой тогда теории демографического перехода. Минимальный суммарный коэффициент рождаемости в Германии в этот период фиксируется в 1933 г. – 1,58, в СССР в 1934 г. – 3,8. Далее, вопреки теории демографического перехода, следовал подъём [35]. И германское, и советское руководства приняли комплекс мер, направленных на повышение численности населения, что дало определённые результаты. К началу Второй мировой войны в 1939 г. суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,39 рождений, в СССР – 4,98. Советский Союз при пролонгации соответствующих демографических тенденций уходил бы в отрыв. Уходил он в отрыв не только от Германии, но и от других ключевых геополитических акторов мира, включая США. Причём высокий суммарный коэффициент рождаемости в СССР обеспечивался не только за счёт национальных окраин, но и русского демографического ядра. Накануне войны среди русского населения он составлял 4,9 рождений¹.

Отсюда и гитлеровская идея войны на уничтожение, поставленная в качестве стратегического ориентира военной кампании на востоке. Помимо установок ксенофобии и расизма, которые нельзя снимать со счетов, был в ней и нескрываемый прагматический расчёт демографического соперничества. В понимании Гитлера противостояние с историческими врагами на востоке – русскими, славянами в целом, «азиатским варварством», не будет успешным без подрыва демографической базы врага.

Особое внимание тема демографических войн занимала в риторике рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. Во время своего визита в Харьков в апреле 1943 г., т. е. уже после фиаско Сталинградской битвы, рейхсфюрер рассуждал о войнах Европы с Азией в прошлом и будущем, акцентируя внимание на численном соотношении сил. О реалиях продолжающейся войны он говорил в перспективе войн будущих. Возможно, Гиммлер считал, что нынешняя война Германией уже проиграна. Но следовало, согласно его рассуждениям, создать задел для войн будущего, подорвав максимально демографические потенциалы противника. Достигнуть это было возможно путём физического уничтожения вражеского населения².

Подрыв демографических потенциалов, пусть и не в тех масштабах, как замысливалось нацистским руководством, действительно произошёл. Но сопротивление со стороны Запада продолжилось и после падения нацизма. Новые подходы в поражении демографических потенциалов противника связывались с воздействием на сознание и подсознание, формирование установок детности. О том, что руководство США было заинтересовано в вопросах глобального демографического управления, свидетельствует, в частности, Меморандум 200 – отчёт Совета национальной безопасности США, подготовленный в 1974 г. по инициативе госсекретаря Г. Киссинджера³. О целевом характере воздействия на демографические потенциалы России указывает также реализация в РФ на федеральном уровне в 1990-е гг. Федеральной программы планирования семьи,

¹ Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах, 2008–2023. Рождаемость в СССР. URL: [https://su90.ru/birth.html#:~:text=%20\(дата обращения: 11.11.2024\); Население Германии // Википедия: \[сайт\]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Германии](https://su90.ru/birth.html#:~:text=%20(дата%20обращения%3A%2011.11.2024);%20Население%20Германии%20//%20Википедия%3A%20[сайт].%20URL%3A%20https%3A%2F%2Fru.wikipedia.org/wiki%2FНаселение_Германии) (дата обращения: 11.11.2024); Население Советского Союза. 1921–1991. М.: Наука, 1993. С. 14, 40, 55.

² Гиммлер Г. Выступление в Харьковском университете перед командирами дивизий СС [Электронный ресурс]. URL: <https://nuremberg.media/project/20210914/261738/Gimmler-Vesti-voynuprovodya-liniyu-na-unichtozhenie-lyudey.html> (дата обращения: 11.11.2024).

³ National Security Study Memorandum 200 (NSSM 200) [Электронный ресурс]. <https://www.lifesitenews.com/warefamily/nssm200/nssm200.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

фактически формирования ориентиров малодетности и бездетности, запрещённых в настоящее время в качестве деструктивной идеологии¹. Итогом такого воздействия стало падение численности населения России до 143,8 млн и суммарного коэффициента рождаемости до 1,41 рождений в 2023 г. СССР к началу Второй мировой войны был третьим по численности населения среди стран мира (взятая отдельно РСФСР – четвёртая). Современная Россия находится на 9 месте, отставая от находящегося на 8 месте Бангладеш. По прогнозам ООН, к 2050 г. она опустится на 18-ю, а к 2100 г. на 22-ю позицию при условии, что тренды не изменятся.

Фактор пространственных потенциалов

В современных общественных науках получила распространение точка зрения об относительности значения пространства. Ценность территории будто бы снижается, уступая ценности времени [11]. В отдельных публикациях утверждает, что территория России, крупнейшая в мире, сыграла для неё отрицательную роль, определив экстенсивный, вместо интенсивного, путь развития [83].

Масштабные войны всякий раз представляли точки над «и», показывая ценность территорий России в качестве фактора преимущества над врагом. Наглядно значение пространственного фактора показала уже война с Наполеоном. Французская армия по мере продвижения по России таяла не только под ударами противника, но будучи вынуждена оставлять в тылу гарнизоны. Коммуникации растягивались и между ними в конечном итоге возникали разрывы. Действие пространственного фактора против армии неприятеля повторилось и во время ВОВ. Блицкриг со стороны Германии при советских

территориях был проблематичен. Тактика молниеносного удара могла сработать против европейских государств, но не против СССР. Присоединение к Советскому Союзу в 1939–1940 гг. ряда территорий позволило отодвинуть границу к западу, что также в итоге стало фактором сдерживания неприятеля, выигравшем некоторого времени. Отсрочка оказалась не столь большой: Львов, к примеру, пал уже 30 июня 1941 г. Но Таллин – 28 августа, что уже было больше времени, понадобившееся немцам для нанесения поражения Франции. Выборг был взят финнами 29 августа. Для срыва плана блицкрига новые территории, безусловно, имели значение. И даже падение Москвы не означало бы ещё, как показывал опыт войны 1812 г., завершение военного противостояния. Центр управления, столица в эвакуации, был уже подготовлен в Куйбышеве, и война бы продолжилась. Пространства СССР давали возможности ведения «скифской войны» в длительной перспективе, что вряд ли Германия могла выдержать.

Неожиданностью для германского политического и военного руководства было наличие у СССР трёх эшелонированных линий обороны. Сломив первые две оборонительные линии, немцы, утратив свой наступательный потенциал, не смогли пройти третьей. Первая линия обороны – линия Молотова – возводилась на новых присоединённых к СССР территориях непосредственно перед войной, вторая – линия Сталина – создавалась ранее по старой границе Советского Союза, третья была сооружена в значительной степени за счёт привлечения гражданского населения непосредственно в военное время [31; 37; 56].

Противник оккупировал во время войны огромную территорию, составлявшую 1,926 млн квадратных километров. Но это было лишь 8,7% всей советской территории.

При распаде Советского Союза территориальные потери были существенно

¹ Указ Президента РФ от 18.08.94 № 1696 «О президентской программе "Дети России"» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6826> (дата обращения: 11.11.2024).

больше, чем при немецкой оккупации – 23,7%. Россия и после них остаётся крупнейшим государством мира, но её геополитические потенциалы в сравнении с советским временем уменьшились. Специальная военная операция не в последнюю очередь решает задачу отодвинуть границу, ввиду угроз, продуцируемых возможностью расположения на сопредельных территориях сил НАТО.

Фактор идеологии

Советский Союз являлся идеократическим государством. Государств без государственной идеологии, даже в случаях официального утверждения с их стороны иной позиции, не бывает. Любое государство делает фундаментальный выбор, связанный с моделью устройства, стратегическими ориентирами и приоритетами. Осуществление этого выбора, предполагающего принятие одной ценностной платформы и отрицание других, уже само по себе указывает на наличие идеологии. В идеократических государствах идеология даётся акцентировано, проецируя основные стороны государственной и общественной жизни [14].

Основная задача идеологии – задать систему ценностей и смыслов – в военное время приобретает критически важное значение. При отсутствии же ценностей и смыслов отсутствует и мотивация для борьбы с врагом, отсутствуют и идеалы, во имя которых войны оказываются готовы идти на смерть, а гражданское население – отказаться от комфорта. Идеократическая модель в условиях войны, безусловно, с этих позиций более функциональна. Она позволяет, в частности, использовать наиболее масштабно и наиболее системно институты государственной пропаганды. Суть её во время войны состоит в утверждении в самосознании народа позиции – «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». Эти слова, как известно, прозвучали в первый же день войны – 22 июня 1941 г. – в обращении по радио к советскому об-

ществу В. М. Молотова. Война была провозглашена Отечественной, что выводило на параллели с Отечественной войной 1812 г., указывало на её всенародный характер и подчёркивало: на кону само существование Отечества¹. Через 2 дня с опубликования в газетах «Известия» и «Красная звезда» текста песни В. И. Лебедева-Кумача война была определена также как «Священная война». Священный характер войны означал, что она ведётся между силами добра и зла в их абсолютном выражении.

Важнейшую роль в осуществлении единой политики в распространении и осуществлении пропаганды сыграло созданное уже 24 июня 1941 г. и подчинённое непосредственно ЦК ВКП(б) Советское информационное бюро. Связываемое в массовом восприятии со сводками с фронта, передаваемых гениально подходящим для этой миссии голосом Ю. Б. Левитана, Совинформбюро являлось действительно многопрофильной инфраструктурой. К июню 1944 г. в его состав входило 11 отделов. Во взаимодействии с Совинформбюро, выступающего координирующим центральным органом, находилось 18 радиостанций, 523 журнала, 1171 газеты, что совокупно представляло собой мощнейшую информационную силу. К работе были привлечены выдающиеся профессионалы своего дела. В литературную группу Совинформбюро входили такие видные представители советской литературы, как, например, В. Катаев, Л. Леонов, А. Новиков-Прибой, Е. Петров, А. Новиков-Прибой, С. Сергеев-Ценский, К. Симонов, А. Толстой, А. Фадеев, К. Чуковский, М. Шагинян, М. Шолохов, И. Эренбург [9].

Идеология СССР не была схоластически застывшей догмой. Руководству

¹ Выступление по радио председателя СНК СССР В. М. Молотова с заявлением советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. 22 июня 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1354995> (дата обращения: 11.11.2024).

Советского Союза удалось провести её корректировку, найти оптимальные подходы, отвечавшие на вызовы времени. Великая Отечественная война стала символическим рубежом, отражавшим вектор идеологической трансформации СССР от установок левого марксизма к советскому большевизму как соединению марксистского учения с тем, что сегодня было бы определено как цивилизационный поход, идея государства-цивилизация. Условной датой такой трансформации принято непосредственно считать выступление И. В. Сталина на параде 7 ноября 1941 г., когда он связал Октябрьскую революцию с дореволюционной историей России, Ленина с фигурами имперского нарратива Александром Невским, Дмитрием Донским, Кузьмой Мининым, Дмитрием Пожарским, Александром Суворовым, Михаилом Кутузовым¹.

Сталин использовал одновременно несколько идеологических карт, позволявших действовать по максимально широкому фронту. Идеология СССР при Сталине оставалась идеологией коммунистической. Вопреки распространённой в последние годы позиции отказа от идей коммунизма в сталинский период не было. Другое дело, что это была не левая версия коммунизма в духе троцкизма, а идеология, связанная с позицией построения социализма (как переходной фазы к коммунистическому обществу) в одной стране. Тезис построения социализма в одной стране предполагал адаптацию к соответствующим условиям странового развития России. В этой версии ни русской, ни христианской идея коммунизма не противоречила. Идеал коммунизма как образа светлого будущего имел и большое мотивационное значение. Идея разделения на 2 полюса – капитализм и коммунизм – нашла отражение и в главной мотивационной песне военного времени «Священная война». Сохраня-

ются в культурной продукции тематика героики революции гражданской войны. Во время ВОВ был снят ряд художественных фильмов по Гражданской войне – «Александр Пархоменко», «Котовский», «Оборона Царицына». В 1942 г. состоялась первая экранизация романа «Как закалялась сталь». Павка Корчагин остаётся главным героем в восприятии советской молодёжи. Книги «Овод» и «Как закалялась сталь» – обе революционной направленности, были главными мотивационными книгами Зои Космодемьянской².

Коммунистическая идеология играла важную роль и в организации антифашистского европейского движения. Другое дело, что блокировка с Великобританией и США вынуждали давать коммунистические идеи во внешний мир дозированно и распускать Коминтерн. Впрочем, коминтерновские структуры упразднены не были, а лишь поменялся формат их организации.

Огромное мотивационное значение имело плакатное искусство. Агитацию через плакаты – мотивацию своих и развенчание противника через жанр карикатуры вели все без исключения воюющие страны. Советское плакатное искусство и карикатуристка в сравнении с другими с очевидностью выделялись. Уже на второй день войны художником И. Тоидзе, работавшим над иллюстрацией «Витязя в тигровой шкуре», был создан плакат «Родина-мать зовёт!», ставшим одним из главных символов народной мобилизации.

В первые дни войны через проект советских агитационных плакатов «Окна ТАСС» происходит реинкарнация проекта периода Гражданской войны «Окна РОСТА», где одну из первых ролей играл В. В. Маяковский. Особое место в проекте «Окна ТАСС» отводилось сатирическому

¹ Сталин И. В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 84–86.

² Огнев А. Наша Великая Победа и Павка Корчагин [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----dt-beepi2ag6a4g.xn--p1ai/novosti/413-nasha-velikaya-pobeda-i-pavka-korchagin.html> (дата обращения: 11.11.2024).

творчеству художественного союза карикатуристов – Кукрыниксы. Кукрыниксы создали серию образов противника, предельно развенчав его, показав утрату нацистами человеческого подобия. И это сыграла свою роль: чтобы убить врага воспитанному на гуманистических идеалах советскому солдату требовалось перестать видеть в нём человека. В 1946 г. весь состав творческого союза, художники М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов, были направлены на Нюрнбергский процесс с задачей создания карикатурных зарисовок обвиняемых.

Вторым идеологическим вектором периода ВОВ стало восстановление русской державной традиции [41]. Ещё до войны начинается реабилитация героев дореволюционной России. Восстанавливается курс истории в школах и вузах. Была остановлена русофобская пропаганда, обличения «русской обломовщины» в духе Д. Бедного в литературе или Н. Бухарина в публицистике стали неуместными. Фильм 1938 г. «Александр Невский» проводил очевидные, включая образные, параллели с русско-немецким противостоянием XIII в. Русский князь, православный святой, предстаёт героем нового советского державного дискурса, защитником Отечества. Непосредственно перед Великой Отечественной войной создаются также фильмы, посвящённые Минину и Пожарскому, Богдану Хмельницкому, Петру I, Суворову, во время войны – Ивану Грозному и Кутузову. Новый принятый в 1943 г. вместо «Интернационала» гимн СССР сочетал слова «Русь» и «коммунизм». Во время войны были учреждены ордена: Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого, а также Отечественной войны и Победы. При этом сохранялись и установленные ранее ордена советской семантики – Ленина и Красного Знамени. С января 1943 г. в Красной Армии были восстановлены погоны, считавшиеся прежде признаком старорежимной системы. В революци-

онной лингвистике слово «золотопогонник» относилось к «языку вражды», но в военных реалиях всё поменялось [1].

Совинформбюро было упразднено сразу после смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. Последующее перепрофилирование, переподчинение преемственной ей организации под эгидой Министерства культуры, безусловно, ослабляло потенциалы советской пропаганды, что и проявилось в утрате идеологического влияния. Отказ от идеологии в постсоветский период, установки деидеологизации привели к крайне негативным последствиям для государства. В контексте СВО возникший запрос на идеологию нашёл отражение в Указе президента № 809¹.

Фактор цивилизационной идентичности

Война предполагает разделение на «своих-наших» и «чужих-врагов». Ощущение принадлежности к «своим» выражается через понятие «идентичность». Осознание единства общности перед лицом внешних угроз является важнейшим фактором военных побед. Противник, соответственно, стремится внести раскол в эту общность, столкнуть одни её части с другими. И, безусловно, единство советского народа явилось одним из важнейших факторов победы.

Особенность российской цивилизационной идентификации заключалась в двухуровневой системе идентичностей. Первый уровень был этнический, второй – цивилизационный. Будучи грузином, армянином, татарин, башкиром, немцем – этничность – человек в Российской империи мог являться в то же время русским – цивилизационное самосознание. Эта же модель была восстановлена

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.11.2024).

в СССР. Этнический уровень выражался сообразно с принятой терминологией понятием «национальность», цивилизационный – соотносился с идентификатором «советский» (советский народ). Понятие «советский народ», употребляемое ранее спорадически, прочно вошло в идеологический лексикон именно во время ВОВ. Можно сказать, что именно в войну общность «советский народ» и сложилась, став модификацией российской исторической общности¹.

В выступлениях советских лидеров периода войны акцентировался многонациональный характер советского государства, приверженность принципам интернационализма. Это позиционирование противопоставлялось германскому расизму. В первом с начала войны обращении Сталина по радио к народу 3 июля 1941 г. руководитель советского государства упомянул 12 народов СССР, подчеркнув, что им угрожает разрушение национальной культуры и национальной государственности, онемечивание и их «превращение в рабов немецких князей и баронов»².

Непосредственно во время Московской битвы доснимался один из главных фильмов, демонстрирующих интернациональную политику СССР – «Свинарка и пастух». Слова о дружбе народов были внесены и в гимн Советского Союза.

Многонациональный характер СССР германское руководство пыталось использовать для организации внутреннего раскола. Велась пропаганда сепаратизма, создавались соответствующие националистические организационные структуры. Утверждать, что эта пропаганда была полностью безрезультатной, нельзя. Прецеденты коллаборационизма под вывеской борьбы за национальное осво-

бождение имели место. Но ни у одного из советских народов они не приобрели характер доминантной позиции. Значительным этнический коллаборационизм был только в регионах, присоединённых к СССР накануне войны, где идеи советского интернационализма не распространились столь же глубоко, как на остальной советской территории. Звания Героя Советского Союза были удостоены представители 68 народов. Среди них были и представители народов, подвергшихся депортации [51].

«Европейский альянс» оказался гораздо более внутренне разобщён и к концу войны распался. Бывшие союзники Германии – Италия, Болгария, Румыния, Финляндия, Венгрия – на финальной стадии военного противостояния повернули оружие против немцев.

Вместе с тем интернационалистского подхода для противостояния с врагом было недостаточно. Нужно было обращение к глубинным цивилизационным кодам, пробуждение связанных с идентичностью чувств любви к Родине. Война в Испании показала важность, но недостаточность интернационалистской идеи (движение Интербригад).

Каждая система должна иметь системообразующее ядро. Системообразующим ядром СССР выступал русский народ. Понимание государствообразующей роли русского народа утверждается на уровне властного и культурного дискурса в предвоенные годы. В кинофильме 1938 г. «Александр Невский» исполнялась мобилизующая песня «Вставайте, люди русские!». В переработанной в 1939 г. версии оперы «Жизнь за царя», вышедшей под наименованием «Иван Сусанин», песня «Славься», адресуемая прежде царю, адресовалась теперь русскому народу.

Русская тема ещё более акцентируется во время войны. К. М. Симонов пишет во время войны пьесу «Русские люди», а А. Н. Толстой создаёт рассказ «Русский характер». Сам верховный главнокоман-

¹ Трайнин И. П. Советское социалистическое многонациональное государство. М.: Политиздат, 1940. С. 61; Шепилов Д. Т. Великий советский народ. М.: Правда, 1947. 48 с.

² Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 59.

дующий произносит на кремлёвском приёме в честь командующих войсками Красной Армии тост «За русский народ!». Русский народ был назван Сталиным «руководящей силой Советского Союза»¹. Ни до, ни после такое позиционирование роли русского народа в СССР и Российской Федерации не допускалось. Только в 2020 г. в поправках в Конституцию Российской Федерации было внесено положение о государствообразующем народе, корреспондентное со сталинским тостом 1945 г.

Новым в сталинской национальной политике стало развитие во время войны темы славянского единства. Ранее в соответствии с доминировавшим в языковедении марризмом такая акцентировка рассматривалась как теоретически несостоятельная. Идея славянского единства выдвигалась как противовес идеологии пангерманизма. В крайне тяжёлый период 5 октября 1941 г. в Москве был учреждён Всеславянский комитет. С 1942 г. от его лица стал издаваться журнал «Славяне». Своё видение славянского вопроса И. В. Сталин изложил 28 марта 1945 г. на обеде в честь президента Чехословакии Э. Бенеша: «Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств. Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и Вторая мировая война идёт на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь. Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы, и можно сказать, что она не подверглась оккупации. Бельгия и Голландия не воевали – они покорно легли перед немцами и подняли лапки вверх. Англия? Англия – на островах, и её положение особое. Кто пострадал от немецкого разбоя, от немецкой оккупации? Чехословакия, Польша, Югославия, Со-

ветский Союз... Мы сейчас бьём немцев, побьём их и тогда, если и когда они вздумают поднять и развязать новую войну. Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов»². Слова о «новых славянофилах», равно как и противопоставление немцы–славяне, были в довоенное время невозможны. Впрочем, славянский вектор сталинской политики был в хрущёвские годы, как и многое другое, пересмотрен. Журнал «Славяне» был закрыт в 1958 г., а Всеславянский комитет сокращён до 1 человека [40].

После распада СССР прежняя модель советской идентичности была отменена. При этом она обнаружила такую прочность, что и по прошествии десятилетий значительные группы населения продолжали себя идентифицировать как советские. Однако построение новых общностей на основе этнических идентификаторов или идеи гражданской нации оказалось проблематичным. СВО обнаружила запрос на восстановление идентичности цивилизационной, которая являлась, хотя и в другом категориальном выражении, одним из значимых факторов победы в Великой Отечественной войне.

Фактор традиционных ценностей

Понятие «традиционные ценности» сравнительно недавно вошло в государственный дискурс России. Соответственно, и вопрос о факторной роли традиционных ценностей в победу в историографии войны отсутствовал. И эта постановка сегодня не будет идеологической конъюнктурой.

Действительно, традиционные ценности формируются исторически как факторы выживания соответствующих сообществ [7; 8]. В экстремальной ситуации, которой является война, традици-

¹ Сталин И. В. Выступления на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 228–229.

² Сталин И. В. Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 359–363.

онные ценности оказываются рецептурой цивилизационного самосохранения. На ценностях постмодерна или какого-то подобия им войны, естественно, не выигрываются [5; 6].

Советский Союз накануне войны являлся всё ещё преимущественно крестьянской страной. По данным переписи 1939 г., большинство советского населения – 67% – составляли жители сельской местности. Соответственно, крестьянской являлась преимущественно и армия. Структура населения западных государств была иной: в ней преобладали жители городов. Традиционные ценности могли, безусловно, сохраняться и в городах, но тенденция их девальвации соотносилась с урбанизационным процессом.

Коллективизм, взаимопомощь, привычка к физическому повседневному труду – всё это являлось важным фактором, определяющим преимущества советского солдата перед противником. Воспитанный в суровых условиях российской природы, он был более неприхотлив, чем жители Европы или Северной Америки, уже существенно развращённые комфортом.

Если использовать дихотомию ценностей Р. Инглхарта, следует констатировать, что ценностные установки выживания в СССР в соответствующий период доминировали явно над ценностями самовыражения [27; 85]. На Западе было уже не совсем так. В Германии, понимая, что население в городах значительно развращено, популяризировали движение «фелькиш» с идеалами крестьянского быта. К ограничению потребностей как патриотическому долгу призывала население в период войны американская пропаганда. Но всё-таки советский народ морально и физически был больше готов к трудностям войны.

Это не означает, что для победы следует устанавливать ограничения в качестве жизни. Такой вывод о вреде прогресса для военной мобилизации был бы абсур-

ден. Но воспитательные установки, связанные с минимизацией потребностей, готовностью переносить трудности и невзгоды, способностью выживать в экстремальных ситуациях, действительно крайне важны и являются важной характеристикой готовности социума к войне.

Важнейшей институцией сохранения традиционных ценностей является религия. Религиозность воюющих наций, как показывает опыт разных войн, объективно возрастает.

Советский Союз, между тем, являлся государством, идеология которого основывалась на позициях научного атеизма. Однако перепись 1937 г. показала относительно невысокие достижения атеистической пропаганды. Через 20 лет после установления советской власти верующих в СССР было больше, чем неверующих – 56,7% от всех выразивших свою позицию в отношении к религии. Среди не выразивших своего отношения, следует предположить, были преимущественно верующие, что и объясняет отказ от предоставления данных ввиду боязни репрессий. Таким образом, можно констатировать, что советское население вступало в войну как преимущественно население религиозное. Результаты переписи 1937 г. были, по-видимому, восприняты руководством крайне серьёзно, о чём свидетельствует отмена её итогов. Ни в одной из последующих советских переписей вопрос об отношении к религии более не формулировался [25].

С начала войны отношения советской власти и Русской православной церкви резко меняются. С одной стороны, Церковь обращается к пастве с призывом защиты Отечества. Уже 22 июня 1941 г. местоблюститель патриаршего престола, митрополит Сергей (Страгородский) обратился к пастырям и народу с благословением защитников Родины и выражением уверенности о том, что Господь дарует победу. Митрополит обращался в своём воззвании к образам русских былинных богатырей и историческим героям Рос-

сии – Александру Невскому, Дмитрию Донскому. В отличие от времени Гражданской войны, Церковь поддержала советскую власть, и эта поддержка, имея ввиду преобладание верующих, имела огромное значение [59]. Немцы рассчитывали на иную позицию сохранившихся в СССР церковных структур, но из всех крупных иерархов на сторону врага перешёл лишь один – митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) [57].

Вслед за Православной церковью с призывом к борьбе с врагом выступили и объединения других традиционных конфессий. В 1942 г. муфтий Габдрахман Расулев, председатель Центрального духовного управления мусульман, издал фетву о джихаде гитлеровской Германии. С другой стороны, уже в июне-июле 1941 г. власть свёртывает атеистическую пропаганду. Были закрыты антирелигиозные издания: журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник», газета «Безбожник» и другие. В период войны активно открываются храмы, открыто и широко проводятся религиозные праздники, происходит возведение в сан священнослужителей. Обновленческая церковь фактически восстановилась в единстве с РПЦ и внутрицерковный конфликт, поддерживаемый ранее властями, был исчерпан. По инициативе митрополита Сергея (Страгородского) Православная церковь осуществила сбор средств на создание танковой колонны имени Дмитрия Донского. Мусульмане Дагестана также осуществили сбор средств на танковую колонну, названную именем имама Шамиля. На Архиерейском соборе РПЦ состоявшемся 8 сентября 1943 г. в день Бородинского сражения было принято решение о восстановлении патриаршества. Открываются религиозные учебные заведения. Фактически можно говорить о сложившемся во время войны альянсе советской власти и Церкви. Но в хрущёвский период с началом нового антирелигиозного наступления он был разрушен [44; 84].

В постсоветский период, несмотря на предоставленные свободы религиозным организациям, традиционные ценности в обществе продолжают девальвироваться. Пропаганда массовой культуры оказывалась масштабнее церковных проповедей. Фактически формировалась модель потребительского, гедонистического общества с морально распушенной культурной элитой. Для ситуации, требующей системной мобилизации, такая модель показывала полную нефункциональность. Возможно, эта инверсия являлась главной утратой в перечне факторов победы. Не случайно, что Указ президента о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, принятие которого блокировалось либеральной критикой ещё в январе 2022 г., через несколько месяцев с начала СВО был принят, став фактически основой нового ценностно-мировоззренческого строительства.

Фактор воспитания

Известны слова, приписываемые разным мыслителям, государственным и общественным деятелям, о том, что победы в войнах одерживаются школьными учителями. Действительно, учителя через систему образования и воспитания формируют сообщество, которое превосходит противника во время войны по своим качествам или уступает ему. Признание важнейшей роли советской школы в победе СССР над США в космической гонке может быть дополнено констатацией её огромного значения в победе в Великой Отечественной войне. Благодаря усилиям советского образования и воспитания был создан тип человека, наделённый такими характеристиками, как патриот, коллективист, носитель целостного мировоззрения, обладатель базовых технологических компетенций и неинструктивистского мышления.

Соответствующий тип образования утвердился в СССР после периода педагогических экспериментов с середины

1930-х гг. Это была неоклассическая модель, опиравшаяся на русскую традицию в педагогике. Рядом решений государства были отменены экспериментальные подходы – метод проектов или система комплексов. В школах была восстановлена классно-урочная система, школьная дисциплина, учебники. Учитель вновь был наделён ролью наставника жизни. Специальным постановлением с 1934 г. вновь в образование вернулось преподавание истории. Сталин принимал личное участие в формировании содержания исторического образования. И сформированная неоклассическая система советского образования прошла проверку в критических условиях войны [5; 6].

Война показала несостоятельность теории свободного индивидуалистического воспитания. Человек-индивидуалист оказался не способен выдерживать те нагрузки, которые дали военные годы. Наиболее функциональными в условиях войны оказались немецкая и русская педагогические школы. И война, помимо прочих противоречий противостоящих систем, стала ещё и конкуренцией двух педагогик.

Отличительными особенностями немецкой системы были инструктивизм и особое значение, придаваемое дисциплине. В войнах классических эти качества обуславливали успехи германской армии. Но война на восточном фронте носила экзистенциальный характер, и инструктивизм в ней давал сбой. Советское военное командование, в отличие от германского, в решающих сражениях действовало не по инструкции. Советский солдат оказался сильнее немецкого в силе духа, проявляемого в т. ч. в способности преступить черту жизни и смерти, выйти за рамки классической рациональности.

Во время Великой Отечественной войны повышенное внимание к образованию советского руководства сохранялось. В 1943 г. была учреждена Академия педагогических наук РСФСР – прообраз современной Российской Академии об-

разования. Негативный опыт первых военных лет обусловил решение восстановления существовавшего до революции раздельного обучения мальчиков и девочек. Война показала, что мужское и женское воспитание имеют фундаментальное различие и смешанное обучение себя не оправдывает. Уже в хрущёвские годы произошло восстановление смешанного обучения, и правильность такого шага сегодня вызывает сомнения [21].

Замена традиций коллективистской педагогики новыми модификациями теории свободного воспитания в перестроечный период ослабил, безусловно, воспитательные потенциалы школы. В ходе реформ 1990-х гг. далее оказались поражены наиболее сильные для условий военного времени стороны отечественного образования.

Фактор научно-технических потенциалов

Война во все времена предполагала соперничество военно-технических потенциалов противоборствующих армий. По мере технического прогресса значение этого фактора объективно возрастает. Специальная военная операция продемонстрировала возможности новых образцов военной техники. Гонка вооружений имеет как количественную сторону, так и качественную. Количественная сторона связана с потенциалами экономики, качественная – с потенциалами науки. Новые образцы военной техники, появившиеся на вооружении Красной Армии в предвоенный период и непосредственно в период войны, превосходили в целом аналоги в армиях других государств. Превосходство в сравнении с военной техникой армий западных демократий было очевидным. Вермахт имел в целом качественные образцы военной техники, но и они, по оценке экспертов, уступали советским новым образцам¹.

¹ Калашников К., Феськов В., Чмыхало А., Голиков В. Красная Армия в июне 1941 года (статистический сборник). Новосибирск: Сибирский

Системные успехи в науке между тем не могут быть достигнуты исключительно за счёт учёных-самородков. Научным изобретениям и их внедрениям в военную сферу предшествовала институционализация научных институций, включая конструкторские бюро. Причём реализуемые проекты носили не грантовый, краткосрочный, а инфраструктурный, долгосрочный, характер. Но и этим объяснение советского технического прорыва не исчерпывалось. Важным недоучтённым фактором являлось массовое движение изобретателей, формирование общей культурной обстановки вокруг идеи научно-технической революции. Соответствующий фундамент задавался и принципом политехнического образования, положенным в основание советской школы.

Результатом стало появление непосредственно перед войной или уже в военные годы новых образцов военной техники:

- стрелкового оружия: пистолет-пулемёт Шпагина (1941), пистолет-пулемёт Судаева (1943), противотанковое ружьё Дегтярёва (1941), противотанковое ружьё Симонова (1941);

- артиллерии: 122-мм гаубица М-30 (1938), 45-мм противотанковая пушка М-42 (1942), 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2 (1941/1943), 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 (1942), 100-мм полевая пушка БС-3 (1944), 120-мм полковой миномёт (1938/1943), боевая машина реактивной артиллерии БМ-13 «Катюша» (1941);

- танков и самоходных артиллерийских установок: средний танк Т-34-76 (1940), средний танк Т-34-85 (1941), тяжёлый танк КВ-1 (1940), тяжёлый танк ИС-2 (1943), самоходная артиллерийская установка СУ-76 (1942), самоходная артил-

лерийская установка СУ-85 (1943), самоходная артиллерийская установка СУ-100 (1943), самоходная артиллерийская установка СУ-122 (1942), самоходная артиллерийская установка ИСУ-122/ИСУ-122С (1943/1944), самоходная артиллерийская установка СУ-152/ИСУ-152 (1943);

- самолетов: истребитель Як-1 (1940), истребитель МиГ-3 (1940), истребитель Як-3 (1943), истребитель ЛА-5/ЛА-7 (1942), штурмовик ИЛ-2 (1941), пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 (1940), фронтовой бомбардировщик ТУ-2 (1942), дальний бомбардировщик ДБ-3Ф/ИЛ-4 (1938), транспортный самолёт ЛИ-2 (1940) и др.

Одного перечня образцов военной техники достаточно для отражения масштабов работы конструкторской мысли¹.

Недофинансирование науки, установки о переизбыточности развития оборонной сферы в постсоветский период едва не привели к упразднению одного из важнейших факторов победы. Восстановление отечественного ВПК, оказавшегося неожиданностью для вероятных противников, стало ключевым свершением курса президента В. В. Путина по восстановлению суверенных потенциалов России.

Фактор социального равенства

Опыт Первой мировой войны демонстрировал, к каким последствиям в условиях военного времени могут привести социальные диспаритеты. По итогам кампании 1916 г. положение на фронтах было достаточно оптимистическим. Но Российская империя пала не под ударами неприятеля, а в результате Февральской революции. Важнейшим фактором успеха революционного движения являлся критический уровень неравенства в России. Но идеи свободы и равенства в условиях войны подорвали в итоге построенную на иерархии военную систему

хронограф, 2003. 204 с. Сравнительная оценка Вооружённых сил СССР и армий стран фашистского блока к началу войны // Исторические материалы: [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/26037> (дата обращения: 11.11.2024).

¹ Шунков В. Н. Полная энциклопедия вооружений СССР Второй мир войны 1939–1945. М.: Харвест, 2010. 288 с.

[15]. Основанный на этих идеях Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов одновременно, по оценке военных, полностью подорвал боеспособность российской армии [24]. Социальные протесты явились и фактором поражения в Первую мировую войну Германии. К моменту окончания военных действий фронты проходили за пределами германской территории, но Ноябрьская революция 1918 г. подорвала способности империи к сопротивлению. Хотя и сводить германское поражение исключительно к «удару в спину» было бы неоправданным преувеличением [45].

Советский Союз позиционировался как государство, в котором впервые в мире (если не считать краткосрочного и локального опыта Парижской коммуны) оказалась отменена эксплуатация человека человеком. Соответствующие положения нашли отражение в Конституции СССР 1936 г., на тот момент самой демократической из всех мировых конституций. В конституционный текст были включены даже принципы, не вполне соотносящиеся с юридической стилистикой документа: «кто не работает, тот не ест», «от каждого по способностям, каждому по труду»¹. Советский патриотизм рассматривался не только как защита Отечества, но и того общественного строя, который даёт человеку соответствующие социальные права. Безусловно, жизнь советского человека в предвоенный период оставалась крайне тяжёлой. Но в сравнении с жизнью до революции, о которой ещё сохранялись живые воспоминания, большинство видело существенные улучшения и было готово их защищать. Важным было и отсутствие разрывов в качестве жизни, которые имели место в Первой мировой войне.

Сталин в обращении по радио к советскому народу 3 июля 1941 г. говорил в т. ч. и с позиций угрозы для социальных завоеваний. Целью агрессии указывалось «восстановление власти помещиков, восстановление царизма». Естественно, таких целей германский нацизм не преследовал. Но тогда в июле 1941 г. ещё казалось возможным использование идеологических штампов эпохи Гражданской войны².

Отражением реального равенства являлось участие в боях на передовой детей высшей партийно-государственной элиты. Среди них: дети Сталина – Яков (погиб), Василий, а также приёмный Артём Сергеев (получил в боях 24 ранения, включая тяжелейшую рану от удара штыком в живот, свидетельствующую об участии в рукопашных столкновениях); сын Берии – Серго, сын Булганина – Лев, сыновья Микояна – Степан, Владимир (погиб под Сталинградом) и Алексей, приёмные сыновья Ворошилова – Тимур Фрунзе и Леонид Нестеренко, сын Щербакова – Александр.

Постсоветская приватизация привела к стремительному росту социальных диспаритетов. По индикаторам неравенства современное положение нельзя признать благополучным, тем более в России, имевшей советский опыт. Социальные диспаритеты должны быть взяты в акцентированное рассмотрение в фокусе проблемной повестки обеспечения национальной безопасности, особенно на фоне возрастающей военной эскалации. Неравенство объективно препятствует консолидированности общества, критически необходимого в ситуации внешне-го противостояния.

Заключение

Проведённый анализ подтверждает тезис о том, что победа СССР в Великой Отечественной войне носила системный

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 11.11.2024).

² Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 56–61.

характер. Система, позволившая победить, включала широкий спектр факторов, ряд которых приобрёл в военных условиях ключевое значение. Важно зафиксировать, что вся система была сориентирована на то, чтобы выдерживать экстремальные воспитание и сверхвысокие нагрузки. Этим она отличалась от систем, сориентированных на максимизацию удовлетворения потребностей и индивидуальных запросов человека. Страна в предвоенные годы жила установкой неизбежности грядущей войны, а с её началом – императивом «Все для фронта! Все для победы!». Ряд факторов победы был создан целевым образом в результате системной реорганизации, начатой под влиянием военной тревоги 1927 г. Другие оказались активированы либо непосредственно перед войной, либо уже в военное время. Определённые факторы победы связывались со спецификой советской системы и большевистской идеологии. Другие были заложены в фундаментальных основаниях российской цивилизации. Соединение советских системных компонент и российских, цивилизационных, дало синергичный эффект в годы войны. Теория государства-цивилизации даёт основания для осмысления потенциалов этого соединения.

Деактивация факторов победы началась в хрущёвский период истории СССР в рамках кампании десталинизации. В дальнейшем в позднесоветский период отключение и ослабление их определялось видением невозможности новых войн, подобных Второй мировой. Выдвинутый в годы перестройки концепт «нового мышления» подводил к установке ревизии советской модели, по мнению реформаторов, неоправданно ориентированную на потенциальную военную угрозу. В постсоветский период факторы Победы подверглись системной ликвидации как наследие «тоталитаризма» и «командно-административной системы».

Произошедшие изменения привели к принципиальному ослаблению потенциалов России в фокусе возможной «большой войны». Не исключено, что это ослабление политически поддерживалось со стороны потенциальных противников.

Создаваемая иллюзия завершения эпохи конфронтаций («конца истории») привела к ряду стратегических ошибок. Новая военная эскалация в мире обнаружила ошибочность прежнего либерального курса. Восстановление потенциалов страны на перспективу новых военных вызовов составило осевую компоненту политики президента В. В. Путина.

Специфика этого восстановления состояла, в частности, в сравнении с советской индустриализацией, в том, что многое приходилось осуществлять в латентном формате, в режиме закрытости от внешних акторов, которые могли бы блокировать соответствующие процессы. Когда же оно стало очевидным, помешать ему они уже были не в состоянии. Вместе с тем к началу новых военных конфронтаций не всё удалось успеть.

Сформированная в 1990-е гг. под задачи вхождения в Западный мир система продолжала действовать инерционным образом. Определённые компоненты, необходимые для успешного противостояния противнику, были реактивированы уже по ходу Специальной военной операции. Возник запрос на использование советского опыта противостояния Западу и непосредственно опыта Великой Отечественной войны.

Безусловно, обращение к этому опыту не должно быть прямым копированием. Мир изменился существенно, изменились и военные практики. Но фундаментально опыт Победы сохраняет свою актуальность. Главные испытания, по-видимому, ещё впереди, и к ним Россия должна подойти максимально подготовленной.

Дата поступления в редакцию 24.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. Париж: Ymca-Press, 1980. 340 с.
2. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992. 299 с.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 552 с.
4. Бабинов Ю. А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь: Таврия, 1991. 124 с.
5. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
6. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Педагогические системы: цивилизационно-ценностные основания. Ярославль: Индиго, 2023. 418 с.
7. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства. Ярославль: Шукаев и семья. 2024. 296 с.
8. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: ОАО «СПК», 2022. 256 с.
9. Баландина О. А. Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны: организация, кадры, направления деятельности Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны: организация, кадры, направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 294 с.
10. Бартенев С. А., Вербило А. Н., Комков Г. Д. Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1985. 312 с.
11. Белоненко Е. О., Римский В. П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 1. С. 5–24.
12. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. М.: ИздАТ, 2003. 412 с.
13. Бешанов В. В. Трусами завалили! От Ржевской мясорубки до Днепровского побоища. М.: Эксмо, 2011. 864 с.
14. Блинов В. В. Становление советской идеократии как новой эффективной формы централизованного государства в XX веке (1917–1953) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 106–113.
15. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОС-СПЭН, 1997. 376 с.
16. Бунич И. Л. Операция «Гроза», или Кровавые игры диктаторов. СПб.: Облик, 1997. 572 с.
17. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: РАН ИРИ, 1999. 212 с.
18. Вишлёв О. В. Западные версии высказываний И. В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93–115.
19. Вождь, хозяин, диктатор / сост. А. М. Разумихин. М.: Патриот, 1990. 575 с.
20. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.
21. Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. 28 с.
22. Горбачевский Б. С. Победа вопреки Сталину. Фронтовик против сталинистов. М.: Эксмо, 2012. 416 с.
23. Емельянов Ю. В. 10 мифов о Сталине. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
24. Жарский А. П., Коршунов Э. Л., Михайлов А. А. «В мае-июне 1917 г. наша армия уже не была организованной массой: это была развращённая и разнузданная толпа». Причины крушения Императорской армии на исходе Первой мировой войны в воспоминаниях и дневниках русской военной эмиграции // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 78–86.
25. Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 году // Исторический вестник. 2000. № 5. С. 105–114.
26. Жуков Ю. Н. Великий обман, или Хрущёв против «оттепели». М.: Концептуал, 2024. 176 с.
27. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–23.
28. Иного не дано / ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: Прогресс, 1988. 675 с.

29. Ипполитов Г. М., Филатов Т. В. Исторический феномен морального духа армии в войне // Свободная мысль. 2023. № 1. С. 187–198.
30. Исаев А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 416 с.
31. Исаев А. В. Прорыв «Линии Сталина» на Украине в 1941 г. // Перспективы науки. 2012. № 4. С. 17–23.
32. Исаев А. В. Прорыв «Миус-фронта» июль–август 1943 года. М.: Стратегия КМ, 2006. 80 с.
33. Историки спорят. Тринадцать бесед / ред. В. С. Лельчук. М.: Политиздат, 1989. 510 с.
34. История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века / под ред. С. В. Гришачева. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.
35. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
36. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
37. Касьян И. Н. Исторические аспекты строительства оборонительных сооружений в 1920–1930-х годах на западной границе СССР: «линия Сталина» // *Juvenis scientia*. 2018. № 4. С. 36–39.
38. Катасонов В. Ю., Платонов О. А. Экономика Сталина. М.: Кислород, 2014. 416 с.
39. Кашеваров А. Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной церкви. 1917–1945 гг. СПб.: СПб ГТУ, 1995. 138 с.
40. Кикешев Н. И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2008. 605 с.
41. Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964). М.: Алгоритм, 1999. 400 с.
42. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 768 с.
43. Кревельд ван М. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2005. 343 с.
44. Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
45. Ланник Л. В. Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г. // Первая мировая, Версальская система и современность. Вып. 2 / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. СПб., 2014. С. 274–284.
46. Лившин А. Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. 50. С. 190–204.
47. Лопатнюк С. Государственный переворот в Польше 1926 года и иностранные государства // Вопросы истории. 1969. № 2. С. 88–97.
48. Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М.: Яуза, Эксмо, 2010. 733 с.
49. Лукьянин В. В. Эвакуация 1941–1942 гг. М.: Вече, 2023. 512 с.
50. Майзенберг Л. Ценообразование в народном хозяйстве СССР. М.: Госполитиздат, 1953. 260 с.
51. Малинский Г. Герои Советского Союза по национальности [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2009/08/16/901> (дата обращения: 11.11.2024).
52. Мединский В. С. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Просвещение-Союз, 2024. 704 с.
53. Морозова Е. Б. Нацистский миф сквозь призму германо-скандинавской мифологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. Т. 4. № 27. С. 397–401.
54. Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1988. 445 с.
55. Никонов А. П. «Бей первым!» Главная загадка Второй Мировой. СПб.: Энас, 2008. 446 с.
56. Носов К. С. Фортификационная лихорадка в Европе между двумя мировыми войнами // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 42–50.
57. Обозный К. П. Планы и перспективы объединения православных церквей на оккупированных территориях СССР и Центральной Европы под эгидой экзарха Сергия (Воскресенского) в 1941–1944 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 88. С. 58–77.
58. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны: (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. 540 с.
59. Одинцов М. И. Патриарх Сергий. М.: Молодая гвардия, 2013. 396 с.

60. Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 29–71.
61. Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 41–70.
62. Осмыслить культ Сталина / ред. Х. Кобо. М.: Прогресс, 1989. 656 с.
63. Павлов Д. А., Павлова А. Л. Патриотическое воспитание в Советском Союзе в 30–40 гг. XX века. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3. С. 87–94
64. Попов В. И. Англо-советские отношения 1927–1929. М.: Издательство института международных отношений, 1958. 191 с.
65. Пыхалов И. В. Великая обогнанная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 480 с.
66. Русская православная церковь 988–1988. Очерки истории. 1917–1988. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1988. 111 с.
67. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: АСТ, 2020. 1072 с.
68. Сидоров А. В. Сталинизм: опыт и уроки осмысления // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 137–142.
69. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
70. Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998. 348 с.
71. Соколов Б. В. Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй Мировой. М.: Яуза, 2011. 357 с.
72. Соколов Б. В. СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века. М.: Эксмо, 2013. 448 с.
73. Соловьев Б., Суходеев В. Секретный доклад Н. С. Хрущева // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 441–457.
74. Солонин М. С. Мозгоимение. Фальшивая история Великой войны. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 656 с.
75. Сорокин А. Учебник должен быть «образцом для всех» // Родина. 2014. № 3. С. 84–91.
76. Спицын Е. Ю. Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945–1985 гг. М.: Концептуал, 2024. 816 с.
77. СССР в Великой Отечественной Войне. 1941–1945 / под ред. С. М. Кляцкина, А. М. Сеницына. М.: Воениздат, 1970. 856 с.
78. Стариков Н. В. Фальсификаторы истории. Правда и ложь о Великой войне. СПб.: Питер, 2015. 272 с.
79. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?: Нефантастическая повесть-документ: М.: Новое время. 1992. 352 с.
80. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма / сост. Ю. П. Сенокосов. М.: Политиздат, 1989. 510 с.
81. Тамоников А. Испанская прелюдия. М.: Эксмо-Пресс, 2021. 320 с.
82. Тимошенко А. И. Урало-кузбасс: создание второй угольно-металлургической базы экономики СССР в 1930-е гг // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 1. С. 70–92.
83. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя: Просчёты советского планирования и будущее России. М.: Научно образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.
84. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М.: Хроника, 1994. 253 с
85. Шевченко М. А. От ценностей выживания к ценностям самовыражения: переход к постиндустриальному обществу // Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты: тезисы докладов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 336–338.

REFERENCES

1. Agursky M. S. *Ideologiya natsional-bolshevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Paris, Ymca-Press Publ., 1980. 340 p.
2. Alekseev V. A. «*Shturm nebes*» *otmenyayetsya?*: *Kriticheskiye ocherki po istorii bor'by s religiyey v SSSR* [Is “Storming the Heavens” Cancelled?: Critical Essays on the History of the Struggle against Religion in the USSR]. Moscow, Rossiya molodaya Publ., 1992. 299 p.
3. Assman A. *Zabveniyey istorii – oderzhimost muzhchin* [Oblivion of History – Obsession with History]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2024. 552 p.

4. Babinov Yu. A. *Gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya v SSSR: istoriya i sovremennost* [State-Church Relations in the USSR: History and Modernity]. Simferopol, Tavria Publ., 1991. 124 p.
5. Baghdasaryan V. E. *Rossiyskoye obrazovaniye: put vybora* [Russian Education: Choosing a Path]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 2019. 336 p.
6. Baghdasaryan V. E., Archimandrite Sylvester (Lukashenko). *Pedagogicheskiye sistemy: tsivilizatsionno-tsennostnyye osnovaniya* [Pedagogical systems: civilizational and value foundations]. Yaroslavl, Indigo Publ., 2023. 418 p.
7. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko). *Traditsionnyye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitelstva* [Traditional values as the basis for new ideological construction]. Yaroslavl, Shukayev i semya Publ., 2024. 296 p.
8. Baghdasaryan V. E., Sylvester (Lukashenko), Archimandrite. *Traditsionnyye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vrozozhdeniya* [Traditional values: strategy of civilizational revival]. Yaroslavl, OJSC "SPK" Publ., 2022. 256 p.
9. Balandina O. A. *Sovinformbyuro v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: organizatsiya, kadry, napravleniya deyatel'nosti Sovinformbyuro v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: organizatsiya, kadry, napravleniya deyatel'nosti : dis. ... kand. ist. nauk* [Sovinformburo during the Great Patriotic War: organization, personnel, areas of activity Sovinformburo during the Great Patriotic War: organization, personnel, areas of activity: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 2022. 294 p.
10. Bartenev S. A., Verbilo A. N., Komkov G. D. *Istochniki pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Sources of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 312 p.
11. Belonenko E. O., Rimsky V. P. [Capitalization of Time in the Modern Civilization]. In: *Nauka. Iskustvo. Kultura* [Science. Art. Culture], 2015, Iss. 1, pp. 5–24.
12. Belousov R. A. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XX vek* [Economic History of Russia: 20th Century]. Moscow, Izdat Publ., 2003. 412 p.
13. Beshanov V. V. *Trupami zavalili! Ot Rzhevskoy myasorubki do Dneprovskogo poboishcha* [Filled with Corpses! From the Rzhev Meat Grinder to the Dnieper Battle]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 864 p.
14. Blinov V. V. [Formation of Soviet Ideocracy as a New Effective Form of a Centralized State in the 20th Century (1917–1953)]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Studies], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 106–113.
15. Buldakov V. P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnoy voyny* [The Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 376 p.
16. Bunich I. L. *Operatsiya «Groza», ili Krovavye igry diktatorov* [Operation "Storm", or the Bloody Games of Dictators]. St. Petersburg, Oblik Publ., 1997. 572 p.
17. Vasilyeva O. Yu. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Policy of the Soviet State in 1943–1948]. Moscow, RAS IRI Publ., 1999. 212 p.
18. Vishlev O. V. [Western Versions of I. V. Stalin's Statements on May 5, 1941 Based on Materials from German Archives]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Contemporary History], 1999, no. 1, pp. 93–115.
19. Razumikhin A. M., ed. *Vozhd, khozyain, diktator* [Leader, Master, Dictator]. Moscow, Patriot Publ., 1990. 575 p.
20. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Kristall rosta. K angliyskomu vladeltsu chudu* [Crystal of growth. Towards the Russian economic miracle]. Moscow, 2021. 360 p.
21. Goncharova G. D. *Period razdel'nogo obucheniya v SSSR v 1943–1945 gg. i yego otrazheniye v literature i iskusstve* [The Period of Separate Education in the USSR in 1943–1945 and Its Reflection in Literature and Cinematography]. Moscow, ID Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2013. 28 p.
22. Gorbachevsky B. S. *Pobeda vopreki Stalinu. Frontovik protiv stalinistov* [Victory in Spite of Stalin. A Frontline Soldier Against the Stalinists]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 416 p.
23. Yemelyanov Yu. V. *10 mifov o Staline* [10 Myths about Stalin]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 352 p.
24. Zharsky A. P., Korshunov E. L., Mikhailov A. A. ["In May–June 1917, Our Army Was No Longer an Organized Mass: It Was a Depraved and Unbridled Crowd." The Causes of the Collapse of the Imperial Army at the End of World War I in the Memoirs and Diaries of Russian Military Emigration]. In: *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 2017, no. 2, pp. 78–86.

25. Zhyromskaya V. B. [Religiosity of the People in 1937]. In: *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin], 2000, no. 5, pp. 105–114.
26. Zhukov Yu. N. *Velikiy obman, ili Khrushchov protiv «ottepeli»* [The Great Deception, or Khrushchev Against the “Thaw”]. Moscow, Conceptual Publ., 2024. 176 p.
27. Inglehart R. [Postmodernism: Changing Values and Changing Societies]. In: *Polis* [Polis], 1997, no. 4, pp. 6–23.
28. Afanasyev Yu. N., ed. *Inogo ne dano* [No Other Way]. Moscow, Progress Publ., 1988. 675 p.
29. Ippolitov G. M., Filatov T. V. [Historical phenomenon of the army's morale in war]. In: *Svobodnaya mysl* [Free Thought], 2023, no. 1, pp. 187–198.
30. Isaev A. V. *Antisuvorov. Desyat mifov Vsemirnogo mira* [Antisuvorov. Ten myths of World War II]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2004. 416 p.
31. Isaev A. V. [Breakthrough of the “Stalin Line” in Ukraine in 1941]. In: *Perspektivy nauki* [Prospects of Science], 2012, no. 4, pp. 17–23.
32. Isaev A. V. *Proryv «Mius-fronta» iyul–avgust 194 goda* [Breakthrough of the “Mius Front” July–August 1943]. Moscow, Strategy KM Publ., 2006. 80 p.
33. Lelchuk V. S., ed. *Istorii sporyat. Trinadtsat besed* [Historians Argue. Thirteen Conversations]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 510 p.
34. Grishachev S. V., ed. *Istoriya rossiysko-yaponskikh otnosheniy: XVIII – nachalo XXI veka* [History of Russian-Japanese Relations: 18th – Early 21st Century]. Moscow, Aspect Press Publ., 2015. 336 p.
35. Isupov V. A. *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v nachale XX veka: istoriko-demograficheskiye ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: historical and demographic essays] Novosibirsk, Sibirsky khronograf Publ., 2000. 244 p.
36. Camus A. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo* [Rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 415 p.
37. Kasyan I. N. [Historical aspects of the construction of defensive structures in the 1920–1930s on the western border of the USSR: “Stalin line”]. In: *Juvenis scientia*, 2018, no. 4, pp. 36–39.
38. Katasonov V. Yu., Platonov O. A. *Ekonomika Stalina* [Stalin's Economy]. Moscow, Kislorod Publ., 2014. 416 p.
39. Kashevarov A. N. *Gosudarstvo i tserkov': Iz istorii izmeneniya Sovetskoy vlasti i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [State and Church: From the History of Relations between Soviet Power and the Russian Orthodox Church. 1917–1945]. St. Petersburg, SPb GTU Publ., 1995. 138 p.
40. Kikeshev N. I. *Slavyanskoye dvizheniye v SSSR: 1941–1948 gody: dis. ... kand. ist. nauk* [Slavic Movement in the USSR: 1941–1948: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, IRI RAN Publ., 2008. 605 p.
41. Kozhinov V. V. *Rossiya. Vek XX-y (1939–1964)* [Russia. The 20th Century (1939–1964)]. Moscow, Algorithm Publ., 1999. 400 p.
42. Kondratyev N. D. *Predshestvuyut bolshiye tsikly konyunktury i teorii videniya* [Large Cycles of Conjunction and the Theory of Foresight]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 768 p.
43. Creveld van M. *The Transformation of war* (Rus. ed.: Kuznetsov Yu., transl. *Transformatsiya voyny*). Moscow, IRIS Publ., 2005. 343 p.)
44. Kurl'yandskiy I. A. *Stalin, vlast, religiya (religioznyy i tserkovnyy faktory vo vnutrenney politike sovet-skogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Power, Religion (Religious and Church Factors in the Domestic Policy of the Soviet State in 1922–1953)]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2011. 720 p.
45. Lannik L. V. [On the Eve of the “Stab in the Back”: The German Army in the Autumn of 1918]. In: Novikova I. N., Pavlov A. Yu., Malygina A. A., eds. [The First World War, the Versailles System, and Modernity. Iss. 2]. St. Petersburg, 2014. P. 274–284.
46. Livshin A. Ya. [“War Alarm” of 1927 and Public Sentiment in the Soviet Union]. In: *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin], 2015, iss. 50, pp. 190–204.
47. Lopatnyuk S. [The Coup d'état in Poland in 1926 and Foreign States]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 1969, no. 2, pp. 88–97.
48. Lopukhovskiy L. N., Kavalerchik B. K. *Iyun 1941 goda. Zaprogrammirovannoye povrezhdeniye* [June 1941. Programmed Defeat]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2010. 733 p.

49. Lukyanin V. V. *Evakuatsiya 1941–1942 gg.* [Evacuation of 1941–1942]. Moscow, Veche Publ., 2023. 512 p.
50. Maisenberg L. *Tsenoobrazovaniye v narodnom khozyaystve SSSR* [Pricing in the National Economy of the USSR]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 260 p.
51. Malinsky G. *Geroi Sovetskogo Soyuz po natsionalnosti* [Heroes of the Soviet Union by Nationality]. Abstract at: <https://proza.ru/2009/08/16/901> (accessed: 11.11.2024).
52. Medinsky V. S. *Voyna. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Moscow, Prosveshchenie-Soyuz Publ., 2024. 704 p.
53. Morozova E. B. [Nazi myth through the prism of German-Scandinavian mythology]. In: *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i nauchnykh nauk* [Actual problems of the humanitarian and natural sciences], 2011, vol. 4, no. 27, pp. 397–401.
54. Nikolsky N. M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 445 p.
55. Nikonov A. P. «*Bey pervym!*» *Glavnaya zagadka Vtoroy Mirovoy* ["Strike First!" The Main Riddle of World War II]. St. Petersburg, Enas Publ., 2008. 446 p.
56. Nosov K. S. [Fortification Fever in Europe between the Two World Wars]. In: *Voyenno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2017, no. 3, pp. 42–50.
57. Obozny K. P. [Plans and Prospects for the Unification of Orthodox Churches in the Occupied Territories of the USSR and Central Europe under the Auspices of Exarch Sergius (Voskresensky) in 1941–1944]. In: *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bulletin of PSTGU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church], 2019, iss. 88, pp. 58–77.
58. Odintsov M. I. *Vlast i religiya v gody voyny: (Gosudarstvo i nezavisimost' v organizatsii SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [Power and Religion during the War Years: (The State and Religious Organizations in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Moscow, Rossiyskoye obyedineniye vzglyadov na religiyu Publ., 2005. 540 p.
59. Odintsov M. I. *Patriarkh Sergiy* [Patriarch Sergius]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2013. 396 p.
60. Odintsov M. I. [The Path of Seven Decades: From Confrontation to Cooperation (State-Church Relations in the History of Soviet Society)]. In: *Na puti k svobode sovesti* [On the Path to Freedom of Conscience]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 29–71.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Системные факторы победы СССР в Великой Отечественной войне в исторической и актуальной повестке // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 7–39.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-7-39

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Systemic factors of the USSR's victory in the great patriotic war in the historical and current agenda. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 7–39.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-7-39